

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПРИГРАНИЧЬЕ

АНДРЕЙ КРУЗ,
ПАВЕЛ КОРНЕВ
ХМЕЛЬ
И КЛОНДАЙК

Андрей Круз
Павел Николаевич Корнев
Хмель и Клондайк
Серия «Приграничье», книга 13

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10854396
Хмель и Клондайк: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-2032-2

Аннотация

Приграничье – несколько городов, вырванных из нашего мира в царство вечной стужи, а Форт – самое сердце тех заснеженных земель. Случайно пересечь незримую грань и провалиться в эти не самые дружелюбные края может каждый, вот только далеко не каждому суждено добиться там успеха и даже просто остаться в живых. Вячеслав Хмелев и Николай Гордеев не пасуют перед сложностями, но они даже представить не могли, как далеко придется зайти, чтобы отвоевать себе место под солнцем.

Павел Корнев, Андрей Круз Хмель и Клондайк

Коля Клондайк, чуть раньше чем за год до событий

От Фэрбэнкса до моста через Юкон примерно сто тридцать миль. Миль. Я уже привык тут к милям и перестал пересчитывать их в километры. Больше трех часов езды по узкому и почти пустынному шоссе Аляска-2. Зимой здесь мало катаются, да и чистят дорогу не так уж и часто, снег больше ветром сдувает. Но в кабине нового, почти с нуля, «сильверадо» тепло и уютно – грузовик считай из магазина недавно, новой машиной пахнет. Разве что я его еще до ума довел для дальних поездок, а по-другому здесь ездить нельзя: тут даже на выезде из города есть плакатик про то, что «не уверен – не выезжай».

Но в ту сторону совсем не страшно, со мной еще две машины. Это обратно я поеду один, тогда нервов будет чуть больше. Но у меня с собой спутниковый есть, так что совсем уж не пропаду, случись что. А так – да, не сезон кататься далеко от города, особенно настолько далеко.

Машинально поднял глаза на потолок, где у меня в креплении висит помпа «ремингтон» с пистолетной рукояткой – моя главная противомедвежья оборона. Их тут много, медведей этих самых, к тому же они вообще отвыкли человека бояться. И такие дробовики здесь опытные люди часто таскают, повесив за спину и зарядив пулей.

Глянул в зеркало: не растрепало ли брезент в кузове? Нет, все нормально, притянут «банги-кордами» к своему месту, как я его и уложил. Там, к слову, дробовиков еще десяток, не считая остальных стволов и прочего, но это я в конце маршрута отдам. В пикапе «шеви С-10», что едет позади, тоже всякого нагружено. С тех пор как в моей жизни появился Платон, он же Серега Платонов, «кондуктор», как он сам себя называет, торговля в моем магазине пошла очень лихо, не успеваю товар выписывать.

Кстати, что они вообще со всем этим имуществом делать собираются? Мужик, что вроде как за покупателя, разбирается в этом всем слабо, я поговорить успел. На половину из того, что от меня услышал, он просто глазами хлопал. А второй вообще какой-то чудной, нервный. Первый раз в Америке? Ну и что?

Хотя... они же за Платоном в первый раз, и скорее всего единственный. Я в этом разбираюсь слабо, да и Платон, хоть потрындеть и любитель, подробностей не разглашает, но знаю точно, что система там «ниппель», то есть туда дуй, а оттуда... ничего. Занервничайте тут.

Вот в этот «ниппель» Платон сейчас и полезет, вместе с двумя машинами и тремя людьми. Потом он опять появится здесь, через месяц или два, а вот эти трое и две машины так и исчезнут. Где-то там, куда они едут. А мне и здесь хорошо. Я вновь закажу всякого, найду пару очередных пикапов почтенного возраста, но в хорошем состоянии, вроде тех, что сейчас со мной в колонне идут, отдам их мастерам, которые доведут их до состояния «почти новье», а Платон потом рассчитается со мной наличными – и всем хорошо.

Зеленые ели, серый асфальт, белые наметы снега на нем. Ветер сильный и злой, чувствую, как машину время от времени просто раскачивает на дороге. А идущий впереди красный «форд» так еще и виляет заметно под его порывами. И ни единой души навстречу за последний час поездки так и не попало. Аляска, да еще и центральная ее часть, кому тут ездить? И нефтяные места мы в основном миновали.

- Платон, не проскочи, скоро сворачивать, – напомнил я по радио.
- Помню, – ответила его голосом маленькая пластиковая коробка.
- Эй, в «шеви», как слышите? Почти на месте, скоро сворачиваем.
- Я понял.

Кто из них ответил? Пока по голосам не научился различать. Да и учиться незачем: больше все равно не увидимся никогда.

Кстати, почему Платон сплав для пуль не у меня заказал? Не проще было бы? Сам привез откуда-то, в ящиках. Вон их вижу, под брезентом, как раз впереди. Увидел и вспомнил. Я же такой почти бесплатно мог подогнать.

Так, уже поворот... изменившийся ветер хлестнул крупой в лобовое стекло. Это еще не зима, но зима на носу.

Узкая техническая дорога то ли лесной службы, то ли к какому-то старому нефтяному объекту. Указатель снесли давно, а специально не интересовался. Нам от шоссе ехать недалеко – всего метров триста, за первый изгиб проселка.

Свернули, встали в колонну вдоль дороги, при этом я жестом пропустил ехавший сзади «шеви» вперед. Я останусь, а ему уезжать. Когда машина с двумя мужиками внутри проехала мимо, столкнулся взглядом с ее пассажиром. Напряженный он явно... или я ему не нравлюсь. Но вообще с Платоном и его людьми эксцессов не бывает, не первый раз встречаемся и не в первый раз сюда приезжаем.

Ну все, теперь здесь потоптаться придется. А может, даже и вернуться, такое пару раз тоже случалось. Покрутится Платон по снегу, съездившись и засунув руки в карманы, а потом плюнет и скажет, что, мол, поехали обратно, не открылось окно. И придется вновь возвращаться сюда через пару дней. А вот два раза возвращаться уже не приходилось: на второй раз всегда все срабатывало.

Не сглазить бы.

Синхронно открылись двери во всех машинах, люди выбрались наружу. Платон, высокий, плечистый и румяный, круглое лицо с кудрявой светлой бородой, совсем молодой, к слову, даже борода его старше не делает, прямо стоя у кабины, сменил легкий красный пуховик на добротный тулуп. «Там холоднее», – как-то объяснил он мне. С ним еще один мужик, назвался Дмитрием, лет под сорок, худощавый, похож на военного – я своих всегда узнаю. Он из Питера прилетел неделю назад и ждал Платона в Фэрбэнксе, в мотеле. Мы с ним и по пиву успели сходить. Сейчас у него на плече кобура с револьвером из моего товара, но он идет туда, куда все они идут, с одним рюкзаком, все остальное на этот раз двое из «доджа» закупили.

Старшим у них Валентиныч, как он сам себя представил, веселый такой мужик за тридцатник возрастом, невысокий и шустрый, вроде как из Омска. Ни к какой конкретной категории я его не отнес, мужик и мужик, на руке, на тыльной стороне ладони татуировка какая-то, но не блатная и не дворовая, а прямо произведение искусства – руны, переплетенные в узор. С его внешностью и манерой общения такой партак совсем никак не вяжется. Я спросил у него, что это все означает, но он отмахнулся и сказал, что сам не знает. «Там нужно, говорят», – пояснил он.

Вторым был Серега – высокий, бритый почти наголо, мне почему-то омовца напомнил. Убей бог не пойму почему, но вот такая ассоциация. Может быть, похож на кого-то, кого я раньше встречал, не знаю. Серега особо в разговор не лез, доверял это дело Валентинычу, а тот за двоих справлялся с большим успехом.

– Платон, что? – крикнул я. – Перегружаемся?

Ветер опять накинудся порывом, забравшись под расстегнутую куртку, и я прижал полы руками, не дав им подняться крыльями и позволить выдуть из меня все скопленное в кабине тепло.

– Погоди!

Ага, с «окном» разбирается – сработает или нет. Совершенно неожиданно Валентиныч сказал, подойдя:

– Да нормально все будет, давай перекидаем ящики, чтобы потом времени не терять.

- Уверен? – усомнился я, бросив взгляд на повернувшегося ко мне спиной Платона.
- Я тебе точно говорю, – уверенно кивнул Валентиныч.

Вообще это был не звоночек, а сигнал тревоги, и если бы я знал об этом столько же, сколько знаю сейчас, то черт знает, как бы та история закончилась. Но знал я мало и на странности внимания почти не обратил. Ну почти не обратил. Поэтому спокойно отстегнул брезент в кузове своего «сильверадо» и взялся за ручки верхнего ящика, глуховато звякнувшего металлом внутри.

– Давай, Серега, помогай ему. – Валентиныч чуть подтолкнул в спину своего напарника.

Платон между тем прошел по дороге дальше, не обращая на нас никакого внимания. Он, пока своего «окна» ждал, чуть не в транс впадал, на внешние раздражители не реагируя. И это было второй причиной, по которой я тот сигнал тревоги пропустил.

Мы с Серегой, к которому присоединились и Валентиныч с Дмитрием, быстро перебросили груз из моего кузова в «шеви», затянули брезент. Тяжеловато получилось, как мне кажется, но я у него подвеску усилил. Валентиныч о чем-то болтал, к чему я не прислушивался, Дмитрий пытался на ветру закурить сигарету, закрывая огонек зажигалки ладонями, а вот Серега выглядел как-то... совсем нервно. Так нервно, что мне это совсем не понравилось.

Где-то в глубине сознания шевельнулась мысль о том, что все идет как-то неправильно. Может, и правильно по всем внешним признакам, но все равно наперекосяк. И Валентиныч как-то неуместно болтлив, и Серега что-то на нервах явно, и Платон вообще ни за чем вокруг не следит...

А Платон возвращался по дороге быстрым шагом, с довольным выражением лица, какое у него всегда бывало, когда он убеждался, что «окно» работает. При его появлении Серега совсем напрягся, правая его рука скользнула за спину, где висел стволом вниз дробовик из моих опять же запасов, и тут в голове у меня зазвенели колокола громкого боя.

Вообще-то у меня не только дробовик в кабине висел под потолком. Куртка на мне была распахнута, но вполне удачно прикрывала кобуру с двадцатым «глоком», за который я схватился, чуя быстро набегающее нехорошее, и заорал:

– Замерли оба!

Серега оказался на удивление быстр со своей помпой. Он был левшой, как я успел заметить, поэтому и предпочел из всех дробовиков «браунинг», который бросал стреляные гильзы вниз, под ноги. Еще он нес оружие «по-африкански», то есть стволом вниз на стороне слабой руки. Когда я еще поднимал пистолет на уровень глаз, Серега успел перехватить свой «браунинг» за цевье, направив его на меня и быстро сместившись в сторону, и даже взять его сильной рукой. Но все же я сработал быстрее – «глок» дважды треснул выстрелами, выплюнул двойку десятимиллиметровых пуль Сереге в грудь, заставив качнуться назад, заваливаясь на красный борт пикапа, а затем я перенес огонь на оказавшегося все же не таким расторопным Валентиныча.

Тот заорал что-то ругательное, схватился за свое ружье, но запутался в ремне, засуетился, и я его застрелил вполне прицельно – два в грудь, один в голову, – убив на месте.

Я умею стрелять, причем умею это делать очень хорошо. Намного быстрее и точнее, чем большинство других стрелков. Поэтому и удивился неожиданной расторопности Сереги, который сидел сейчас на снегу у машины, глядя на меня широко раскрытыми глазами, а изо рта у него толчками выплескивалась кровь.

Не могу сказать, что я хотел сделать в тот момент: допросить его или просто добить? Нет, не помню. Помню, что я ни на секунду не подумал о том, что Дмитрий тоже может быть угрозой. Он ведь приехал отдельно и даже сюда катил в кабине с Платоном, а не с этими

двумя. Поэтому в меня он выстрелил без всяких помех, я даже не увидел, как он вскинул оружие.

Тяжелейший удар в грудь, остановившееся дыхание, крик Платона: «Ты что сделал, дурак?» – и дальше закружившееся небо.

Скрип снега. Красное на белом, я упал на бок.

Сознания я так и не потерял, хотя дыхание отказывалось возвращаться, а боль в груди была такой, что я должен был умереть от нее на месте, просто не выдержав. Еще больнее стало, когда я увидел растерянное лицо Дмитрия совсем близко. Потом меня оторвало от земли, и я оказался в кузове пикапа, прямо на желтом брезенте, укрывающем ящики. Теперь уже изо рта у меня лила вишневого цвета кровь, я чувствовал ее вкус и слышал, как она хлюпает у меня в легких.

«Хана», – созрела четкая мысль, мгновенно превратившаяся в уверенность.

С такими ранами не живут. И с таким кровотечением.

Страха не было. Страх – он от надежды, а надежда даже близко ко мне не подошла. Это уже смерть, я – часть круговорота всего сущего в природе.

Ну и куда меня собираются везти? Зачем? Что это изменит? Упрятать труп? И почему Дмитрий? И при чем тут Платон? И что это вообще было?

Я даже успел ощутить, как машина подо мной рванула с места, а дальше меня насквозь прострелило болью, и свет в глазах померк.

Хмель. За неделю до событий

Утро! Я люблю утро.

Люблю тишину и спокойствие пустого бара, люблю посидеть за стойкой, пока не заглянули на огонек ранние посетители и не подошел персонал.

Хотя персонал – это громко сказано. Всего персонала у меня Ваня Грачев – бармен, грузчик и охранник в одном лице, да тетя Маша – приходящая стряпуха. Ну еще девчонок из «Ширли-Муры» время от времени на подмену вызываю, но их даже не пытаюсь запомнить, постоянно меняются.

А больше и не надо никого. Бар невелик, пять столов-кабинок да стойка с кранами. Но не распивочная, вовсе нет. Приличное заведение, мебель мореного дерева, свежее пиво.

Из-за пива сюда и приходят: пиво у меня собственное. Сам варю, сам продаю. На пиве и зарабатываю, а бар – так, больше для души.

Говорил уже, что нравится постоять за стойкой с утра? Вот-вот.

Пошарив по карманам карго-штанов, я достал коробок и начал выкладывать перед собой таблетки-горошины. Семь штук.

«Каждый охотник желает знать, где сидит фазан».

Именно так – по цветам радуги: красная, оранжевая, желтая, зеленая, голубая, синяя и фиолетовая. Чтобы точно не ошибиться.

Я наполнил стакан кипяченой водой из чайника, снял с левого запястья браслет со старенькой «Омегой» – вещицей еще из той, прежней жизни, – и тут за широким, забранным квадратами заиндедевших стекол окном мелькнула тень. Распахнулась дверь, с улицы ворвались клубы пара, повеяло холодом; двое крепких парней начали затаскивать в бар пустые кеги.

– Ставьте в угол, – попросил я.

– Да пусть вниз сразу отнесут! – предложил появившийся вслед за грузчиками светловолосый широколицый парень в распахнутой дубленке, крепкий и широкоплечий, но с заметным пивным животиком.

– Привет, Денис! – поздоровался я с совладельцем клуба «Ширли-Муры», через который расходилась добрая половина моего пива. – Пусть оставляют, Ваня сам отнесет.

– Совсем ты, Хмель, его загонял, – усмехнулся Селин, усаживаясь на высокий стул у стойки. – От него только кожа да кости остались!

Я вежливо улыбнулся. При росте в два метра и весе сто тридцать килограмм Ваня впечатления заморыша нисколько не производил; скорее уж наоборот.

– Это у вас он отъелся, – возразил я. – А у меня только-только в форму возвращаться начал.

Иван перешел ко мне как раз из «Ширли-Муры», где до того несколько лет проработал охранником. Человек он был надежный и проверенный, с обязанностями помощника справлялся на «отлично», заодно и за порядком приглядывал.

И мне спокойней, и его бывшим работодателям тоже... спокойней. При других обстоятельствах они могли бы стать моей крышей, но за охрану я им не платил, просто не задирали цены, только и всего. Как не задирали и другим своим оптовым покупателям – клубу «Западный полюс», владельцы которого имели непосредственное отношение к Дружине. В результате спокойно жил, не опасаясь ни пересмотра условий сотрудничества, ни выкручивания рук. Система сдержек и противовесов, как она есть. В Форте без этого никак.

Грузчики затащили в бар последние кеги и составили их в свободный угол, тогда я распахнул дверь и показал выставленную вдоль стены замену – десять кег по пятьдесят литров каждая.

– И мне пива захвати! – попросил Денис.

Я кивнул и сходил в «холодную» комнату, в уличной стене которой было пробито несколько сквозных отверстий. При желании их можно было заткнуть деревянными заглушками, но сейчас в этом никакой необходимости не было: термометр показывал десять градусов по Цельсию. Для пива лучше не придумаешь, а продукты хранились в соседней клетушке, там было холоднее.

Взяв с полки бутылку с бугельной пробкой, я вернулся за стойку и аккуратно перелил пиво в стакан. Полностью опустошать бутылку не стал – остаток с осадком выплеснул в раковину.

– Не многовато колес с утра? – поинтересовался Денис, принимая бокал.

Я выставил перед собой указательный палец, засекал время и закинул в рот красную таблетку. Проглотил, запил глотком воды, выждал пятнадцать секунд и взял следующую.

Менять интервал между пилюлями и особенно очередность их приема не рекомендовалось производителем категорически. Возможно, это ничем особенно страшным и не грозило, но рисковать я не собирался в любом случае.

– И для чего это все? – усмехнулся Селин, отпив пива.

– Витамины, микроэлементы, красные кровяные тельца, давление... – сообщил я, допив воду.

– Давление? – немедленно усмехнулся Денис. – Это чтоб стоял, что ли? По бабам собрался?

– Мой лечащий врач такого не одобряет, – покачал я головой.

– Твой лечащий врач не одобряет баб?

– Категорически, – подтвердил я. – Никаких баб, кроме лечащего врача.

– А! – рассмеялся Селин. – А то уже беспокоиться за тебя начал.

Я нацепил металлический браслет с часами на запястье и защелкнул замок.

– Не стоит за меня беспокоиться.

– Да уж вижу, что не стоит, – хмыкнул Денис, допил пиво и щелкнул пальцем по пустому бокалу. – Вот почему ты нам такого пива не отпускаешь?

– Экономически нецелесообразно. Да и спросом пользоваться не будет.

Селин фыркнул:

– Мне же нравится!

– А как плевался первый раз?

– Дело привычки.

– Люди привыкли к пиву качественному и простому, так зачем их смущать? – усмехнулся я. – Кому нужно что-то особенное, «Мозаик блонд эль» или «Эль американский янтарный», тот всегда может зайти ко мне. Да я такого много и не варю, только для ценителей.

– А стаут? – спросил тогда Денис. – Стаут почему нам не продаешь?

– И стаута много не варю, – пожал я плечами. – Светлый эль хорош тем, что две недели брожения, потом неделя выдержки – и он готов. Две варки в месяц по тонне пива. Оборачиваемость отменная. А стаут выдерживать минимум три месяца надо. Емкости дополнительные понадобятся, капиталовложения...

– Мы обеспечим вложения.

– А выхлоп нулевой выйдет. И смысл?

– Расширяйся, – предложил Денис. – Мы одну точку на Южном бульваре выкупаем, закупки увеличим.

– Не интересно, – покачал я головой. – Денис, ты же знаешь, я по сырью целиком и полностью от поставок из Северореченска завишу. Хмель, солод, пшеница – все оттуда идет. Четыре центнера в месяц – это еще куда ни шло, а запрошу больше – повысят цену или вовсе кислород перекроют. И вы со всеми своими связями ничего с этим поделывать не сможете. Плюс людей дополнительно нанимать и за аренду платить: подвал полностью заставлен. В итоге получается, что работать я стану в два раза больше, но за те же деньги. И смысл?

– А...

– Нет, – отрезал я. – «Западный полюс» я без пива не оставлю. У нас долгосрочный договор.

– Что за человек ты такой, Хмель? – кисло глянул на меня Селин. – Как угорь изворотливый. И ведь знаю точно, что лапшу на уши вешаешь, а не подкопаешься.

– И не надо.

– Тащи еще бутылку, – махнул рукой Денис, снял дубленку и кинул на соседний стул. – Но если что – имей нас в виду. Предложение об инвестициях в силе.

– Хорошо, – кивнул я и отправился за пивом.

Вновь наполнил бокал гостя, потом достал из-под прилавка бутылку с настоящим на травах самогоном и набулькал две стопки, себе и Денису.

– Не будь ты таким упертым ослом, Хмель, – вздохнул Селин, – мы бы весь Форт пивом снабжали!

– Мочой, – поправил я собеседника.

– Как сказал один римский император по схожему поводу: «Деньги не пахнут», – возразил Денис и в несколько глотков осушил бокал с пивом.

– Предпочту остаться при своих, – заявил я и взял стопку.

Мы чокнулись и выпили.

– Вот и виски ты не ставишь, – укорил меня Селин, шумно выдохнул и потряс головой. – Крепкий, зараза!

– Все эти виски и коньяки – от лукавого, – поморщился я. – Ты не представляешь, сколько там спирта в процессе выдержки впустую испаряется!

– Крохобор, – фыркнул Денис и взял со стула дубленку.

Вновь распахнулась дверь, с улицы зашел краснолицый товарищ, крепостью сложения под стать Селину, только выше его на голову и с еще более вызывающе выпирающим из-под армейского полусубка животом.

Александр Ермолов, глава всея пограничной службы и цельный подполковник.

– Здоров, Денис! – обрадовался он при виде Дениса.

– Привет, Шурик!

Они обнялись и по-приятельски похлопали друг друга по спине.

– Лысое чудовище не появлялось? – спросил после этого Селин.

– С того лета ни слуху ни духу, – ответил Ермолов. – Но я своим на границу циркуляр спустил, если объявится – маякнут.

Денис подавился смешком и покачал головой:

– Насмешил. До слез, блин! Думаешь, он через пост пойдет?

– А почему нет? – развел руками Ермолов и демонстративно потер костяшками пальцев петлицу с тремя шпалами. – Претензий к нему нет...

– Очень сомневаюсь, – покачал головой Селин, махнул мне на прощанье рукой: – Бывай, Хмель! – и вышел за дверь. Не стал даже шапку надевать, благо идти отсюда до «Ширли-Муры» было от силы пару минут. Требовалось просто перейти через Красный проспект и немного подняться по нему вверх.

– Че стоим, кого ждем? – навалился тогда Ермолов на стойку. – Наливай, Хмель!

Я тяжело вздохнул и вытащил из-под прилавка бутылку с самогоном.

– Вздрогнем! – выдохнул пограничник и влил в себя настойку.

Выпил и я.

– Как обычно, темного крепкого? – спросил после этого, пряча бутылку.

– Ящик, – кивнул Ермолов.

Я сходил в холодную комнату и вынес картонную коробку с дюжиной пол-литровых бутылок русского имперского стаута. Впрочем, с Россией это пиво связывала лишь красивая легенда, а приставкой «имперский» оно было обязано исключительно высокой плотности. Обычный стаут, двойной, имперский... Как-то так.

Такой стаут я варил исключительно под заказ. Ну и для себя немного.

– Чек на неделе пришлю, – предупредил Ермолов, забирая пиво. – Идет?

– Не вопрос, – кивнул я. – А бутылки?

– Старые? – озадачился глава погранслужбы. – Позавчера с нарочным отправлял.

– Секунду! – Я раскрыл гроссбух, отыскал сделанную Грачевым отметку о приеме двенадцати бутылок и кивнул: – Порядок.

– У нас все четко! – рассмеялся Ермолов и поднял со стойки увесистую коробку.

Я прошел к двери и открыл ее, выпуская покупателя на улицу.

Перед самым крыльцом стоял внедорожник УАЗ «Хантер»; он был выкрашен серо-белыми разводами городского камуфляжа и оттого в утренних потемках походил на кучу подтаявшего снега. Рядом переминались с ноги на ногу двое пограничников, с автоматами и в разгрузках.

– Серьезная охрана.

– Статус обязывает, – вздохнул Ермолов, шагнув через порог.

Он спустился с крыльца и вместе с коробкой пива забрался на широкое заднее сиденье; я прикрыл дверь и вернулся за прилавок.

Утро! Я люблю утро, тишину и спокойствие, но в баре это товар нечастый.

Только отметил в гроссбухе отпуск пива, как появился Иван Грачев.

– Здравствуйте, дядя Слава! – поприветствовал меня помощник, расстегивая синюю «аляску». – Как оно ваше ничего? Какие планы?

– Оставайся за старшего, – сообщил я. – Пойду пиво варить.

– Помочь? – спросил Ваня, выдернул из мишени дротики, отступил и один за другим метнул их обратно в доску.

– Позову дробнину выгребать, – предупредил я помощника и спустился в подвал, где была оборудована пивоварня.

Надо сказать, с домом мне повезло. Кирпичный особняк располагался в непосредственной близости от Красного проспекта, с крыльца даже был виден перекресток,

но при этом задним двором выходил он на заброшенный район и потому особого интереса у торгового люда никогда не вызывал. После переноса города в Приграничье здесь какое-то время обитали бандиты, затем квартировала рота дальней разведки Патруля, а когда ее со скандалом расформировали, здание начали долго и муторно продавать. Я выкупил половину и был уверен, что соседей в обозримом будущем не появится, но год назад один оборотистый товарищ открыл во второй части особняка оружейный магазин.

Оно и к лучшему: одному за домом следить было достаточно накладно. Да и ладили мы с Николаем Гордеевым по прозвищу Клондайк неплохо, благо общих знакомых хватало. Кроме того, Николай, как и я, работал с Сергеем Платоновым, и тот факт, что сотрудничество это афишировать не следовало, нас только сближал.

Подвал в особняке был добротным, с высокими сводчатыми потолками и дощатым полом. В первом помещении были установлены варочный котел, фильтровально-заторный чан и бак для промывочной воды, соединенные между собой через насос для высокотемпературных жидкостей шлангами из нержавеющей стали. Такой же шланг через охладительную систему уходил в смежную комнату, где стояли сужающиеся книзу стальные танки для брожения. Там же уместились пластиковые баки поменьше, в них дозревали «эксклюзивные» и экспериментальные партии пива. Проход закрывала массивная деревянная дверь, подбитая для сохранения нужного температурного режима резиной. Здесь было жарко, там – прохладно.

Огонь в печурке под котлом уже едва трепетал; я проверил температуру воды и начал засыпать в нее молотый солод. Пока перетаскал без малого два центнера – аж упрел. После этого приладил на место крышку и запустил стоявший в углу электрогенератор, выхлопные газы от которого уходили по прокинутому через отдушину резинового шлангу на улицу. Обошелся генератор совсем недешево, да и солярка денег стоила, зато не приходилось надрываться, размещивая затор вручную, и самолично качать помпу, перекачивая сусло. Да и вытяжка лишней вовсе не была.

Механизация!

Генератор негромко заурчал, и сразу вздрогнул электродвигатель, начали вращаться опущенные внутрь бака лопасти.

Все, процесс пошел; теперь остается только за температурой следить. Впрочем, технология отработана, вмешиваться, скорее всего, не придется.

Закинув угля в топку под варочным котлом, я засек время и начал вытаскивать из подвала пустые алюминиевые фляги. Воду приходилось заказывать из-под Старой Мельницы: источникам внутри городских стен я не доверял. И сам собственный продукт употребляю, и людей отравить не хочется. За такое и к стенке поставить могут. Здесь в санэпидстанции чистые звери работают.

Пока возился с флягами и подметал разлетевшуюся всюду при помоле солода пыль, уже и время подошло. Я поднялся в бар, по-прежнему пустой, уселся за стойку и окликнул помощника:

– Вань, пора фильтровать и дробнину выгребать. Сам справишься?

– Не вопрос, – подтвердил тот. – Хмель сразу засыпать или подождать, пока закипит?

– Сыпь сразу, пакеты на столе лежат. Там подписано.

– Хорошо.

Помощник спустился в подвал, а я сходил в холодную комнату с продуктами, сделал себе пару бутербродов и вернулся за стойку. Но только с кухоньки раздавался свист закипевшего чайника, как вновь распахнулась входная дверь. Вот и позавтракал.

Высокий плечистый мужчина средних лет стянул с головы шапку, пригладил ладонью короткие русые волосы с проседью и шумно потянул носом воздух.

– Слав, опять варишь? – спросил Николай Гордеев, он же Клондайк, он же мой сосед и совладелец особняка.

Я принял к давно ставшему привычным запаху и рассмеялся:

– Завтра перловку для стаута жечь буду.

– Завтра меня в Форте не будет, – махнул рукой Николай. – Так что жги, Слав, не стесняйся никого. Дом только не спали.

– Да уж постараюсь, – пообещал я и спросил: – Завтракать будешь?

– Нет, – качнул головой сосед, – я чего зашел: отъеду на пару дней, лады? Объявление повешу, чтобы к тебе обращались насчет время там назначить или что. Хорошо?

– Да не вопрос. Пусть заходят, мне же клиентов больше. А если звонить будут, – кивнул я на дисковый телефонный аппарат на другом краю стойки, – в баре всегда кто-нибудь есть. Ответят, своих предупреду.

– Вот и ладненько! – Николай пожал мне на прощанье руку и отправился по делам.

Тогда я со спокойной совестью налил себе чаю и позавтракал, а потом в бар поднялся взмыленный Иван.

– Сделал, – сообщил он.

– Все, остаешься на хозяйстве, – объявил я, – как с пивом закончу, поеду за продуктами.

– Список не забудь! – напомнил помощник и протянул исписанный убористым почерком поварихи листок.

Я сунул перечень в один из многочисленных карманов штанов и спустился в подвал. Запах внизу изменился, стал более острым – теперь в нем явственно проступал аромат хмеля. Сусло закипело, и вытяжка с возросшей нагрузкой справлялась вовсе не лучшим образом. Стало жарко.

Расстегнув ворот фланелевой рубашки, я засек время и отодвинул засов угольного люка. Распахнул его – в лицо посыпался снег.

Черт! Не сообразил почистить с улицы.

В подвале клубами пара ворвался морозный воздух; я не стал возвращаться за курткой и по узенькой деревянной лесенке выбрался во двор. Отпер каретный сарай, выбрав нужный ключ на связке, уловил непонятное давление, мысленно проговорил кодовую фразу – и охранное закливание уснуло, снятое до следующего раза.

Не терплю всей этой чертовщины, но лучше на нормальную охрану потратиться, чем после грабителей порядок наводить. Магия иной раз весьма и весьма жизнь упрощает; если не сказать – продляет.

В каретном сарае стоял мой железный конь – неброской серой расцветки УАЗ-«буханка» с глухой кабиной, вместо окон в задней части которой были бойницы, закрытые железными шторками на манер инкассаторских машин. Я завел двигатель, подогнал автомобиль задом к угольному люку и оставил прогреваться. Сам спустился вниз, ухватил пакет из-под мусора с дробниной и поволок его наверх.

Дробленый солод после затирания – это та же самая каша, но людям ее не предложишь, а вот свиньям или уткам – в самый раз. Этим и пользуюсь.

В подвале я накинул короткую теплую куртку, ухватил следующий мешок и поволок его во двор. Пока носил в машину дробнину, подошло время добавления второй порции хмеля. Всыпал содержимое одного из пакетов в кипящее сусло и поднялся в бар.

– Ваня! – окликнул помощника, который в одиночестве скучал за барной стойкой. – Через пятнадцать минут надо будет последний хмель засыпать. Сделаешь или мне задержаться?

– Сделаю. Если что, тетя Маша с посетителями подстрахует.

– Она подошла уже?

– У себя, – кивнул Иван. – Потом еще пятнадцать минут дать покипеть и перекачивать в баки?

– Да. И дрожжи залить не забудь. Только проверь, чтобы температура в норме была. А котел не трогай, сам его вечером вымою. На тебе двор – снег убери.

– Хорошо, сделаю, – пообещал Грачев и не удержался от скептической ухмылки, когда я достал из-под стойки жезл «свинцовых ос».

Нет, иронию помощника вызвало вовсе не наличие в баре оружия само по себе – наличие оружия он одобрял целиком и полностью, – смущал Грачева мой выбор. Сам бы он предпочел держать под стойкой дробовик, но позиция Дружины в этом отношении была непоколебима: никакого огнестрельного оружия в пределах городских стен. Либо сдавай в Арсенал у ворот, либо ставь чародейскую пломбу, которая при попытке высвободить спусковой крючок пометит и ружье, и его владельца так, что любой колдун почует остаточный фон даже с сотни метров. И здравствуй штрафной отряд...

– Клондайк вон лицензию себе оформил, – многозначительно произнес Иван, начиная давным-давно опостылевший мне разговор.

Наш сосед и в самом деле помимо торговой лицензии через знакомых оформил – читай, купил – разрешение на ношение оружия. Мог бы последовать его примеру и я, но делать этого не стал. Просто не хотел влезать в долги. Ты – мне, я – тебе; у нас только так.

К тому же лично меня жезл «свинцовых ос» устраивал целиком и полностью. От старых гнутых чародеями Братства палок давно осталось одно лишь название, мой жезл напоминал короткую, всего сантиметров сорок длиной, винтовку. Деревянное ложе в компоновке булл-пап, удобный приклад, стальной ствол, быстросъемная банка с шарами, присутствовала даже планка Пикатинни и переключатель огня с автоматического на одиночный.

В чем подвох? Без подвоха не обошлось: сертифицированные для продажи в Форте магическое оружие и амулеты обладали одной немаловажной особенностью – они не срабатывали против обладателей служебных блях, посему дружинники могли не опасаться поймать затылком свинцовый шар калибра .375.

Я же с Дружиной воевать не собирался, так помощнику и заявил. Он только плечами пожал и остался при своем мнении:

– Дробовик надежней.

Спорить я не стал и вышел на задний двор, прихватив «Шершень», как называлась эта модель жезла.

Зачем оружие? Станный вопрос. Когда задворки дома выходят на заброшенный район, где в подвалах того и гляди заведется какая-нибудь нечисть или, того хуже – найдут убежище бродяги, без оружия чувствуешь себя не в своей тарелке. Да и некоторые вполне приличные люди по-хорошему не понимают. А у меня бизнес, мне накладки ни к чему.

Именно поэтому я положил «Шершень» на пассажирское сиденье, проверил, на месте ли на совесть заточенная малая пехотная лопатка, и только после этого принялся отскрести от инея лобовое стекло. Потом выгнал УАЗ на улицу и, выдернув ключ из замка зажигания, сходил закрыть ворота.

Нацепленное на палец кольцо с ключами пощекотало кожу непонятным давлением, но к этому давно привык и не обратил никакого внимания. В перекрученной медной проволоке таилось немудреное заклинание, прозванное местными умельцами «Щелчок». В одну сторону покрутишь – ударит несильно, в другую заведешь – может и голову снести. Хитрая штука и, разумеется, сертифицированная. Мне проблемы с законом ни к чему.

Объехав двухэтажный особняк красного кирпича, я притормозил у съезда на Красный проспект, пропустил груженную бочками телегу и повернул направо. Снег ночью не шел, но и так ехать приходилось по намертво смерзшейся колее; благо транспорта на дороге было

мало – лишь изредка попадались сине-белой расцветки машины Дружины, сани и небольшие юркие фургоны наладивших грузовые перевозки коммерсантов.

Красный проспект служил естественной границей между западной частью Форты и центром, и разница между соседними районами здесь проявлялась самым наглядным образом: справа тянулся заброшенный гаражно-строительный кооператив, слева возвышались жилые девятиэтажки. Несмотря на все усилия привлечь людей на запад и Северную окраину, особыми успехами заправлявшая там Лига похвастаться не могла. Люди неохотно перебирались туда, предпочитая селиться на территориях, подконтрольных Дружине. Только район вокруг госпиталя и процветал, если так можно выразиться.

На перекрестке с Южным бульваром я притормозил и пропустил пару затонированных круговую внедорожников. Автомобили рыкнули мощными двигателями и покатали к дорожным магазинам и развлекательным заведениям, я тоже задерживаться на пересечении улиц не стал, переехал через бульвар и свернул в частную застройку поселка Луково.

Затянутое облаками серое небо нависало над крышами одноэтажных бараков и высокими мансардами коттеджей, из многочисленных печных труб к нему тянулись стойки дыма. Дорога окончательно превратилась в две накатанные в глубоком снегу колеи, но я ехал привычным маршрутом и потому несколько не волновался. Свернул раз, другой – и вскоре притормозил перед высокими воротами добротного бревенчатого особняка.

Дом напротив выглядел нежилым, но стоило только «буханке» остановиться, как занавески на одном из его окон колыхнулись и за серебром инея мелькнуло чье-то лицо. Я на это никакого внимания не обратил, спокойно выбрался из кабины и несколько раз ударил железным кольцом о дверь калитки.

Вскоре послышался скрип снега, дверь распахнулась, и на меня настороженно глянул невысокий, крепкого сложения мужичок в тулупе, шапке-ушанке и собачьих унтах. С плеча его свешивался гладкоствольный карабин двенадцатого калибра «Сайга», из-за голенища торчала рукоять солидных размеров ножа.

– Ты один? – спросил Семен Лымарь, подвизавшийся при хозяине кем-то вроде охранника.

– Нет, блин, десяток нелегалов в кузов забил! – хмыкнул я. – Один, разумеется!

– Заезжай, – разрешил тогда Лымарь и распахнул ворота.

Я загнал автомобиль во двор, и сразу в сени вышел бородатый дядька лет шестидесяти.

– Слава! – радушно поприветствовал он меня. – Свинки тебя заждались!

– Виктор Петрович! – развел я руками. – Рад видеть вас в добром здравии!

– Проходи, Слава, проходи, – позвал меня дядька в сени и спросил Лымаря: – Спокойно все?

Семен выглянул на улицу, закинул ружье за спину и подтвердил:

– Спокойно.

– Тогда выгружай.

Лымарь начал выволакивать из УАЗа мешки с дробниной и таскать их в сарай, на обратном пути он переносил к машине коробки с куриным яйцом, пакеты с уже разделанным кабанчиком, домашними сосисками и колбасками. Сотрудничество с хозяином у нас было взаимовыгодным в полном смысле этого слова.

В сенях я достал из кармана куртки узелок и выставил на подоконник стопку увесистых «соболей» – серебряных монет весом тридцать один грамм каждая.

Виктор Петрович придирчиво осмотрел трехрублевки и даже провел над ними чарофоном – универсальным магическим прибором, вставленным в корпус обычного мобильного телефона, – и увиденным остался доволен.

– Порядок, – пробурчал он, закуривая вонючую папиросу, из-за которых его борода давно приобрела непередаваемый желтовато-коричневый оттенок. – Семен, давай к нам!

Лымарь скрылся в сарае и следующую картонную коробку занес уже в сени.

– Проверь! – раскрыл он ее, выставив на подоконник.

Внутри оказались блистеры с таблетками, наполненные разными хитрыми препаратами одноразовые шприцы и пузырьки с разноцветными пилюлями. Это уже мне.

– Все по списку? – уточнил я.

– Все по списку, – подтвердил Виктор Петрович.

– Вот и отлично! – Я закрыл коробку и сунул ее под мышку. – Семен, завтра-послезавтра подходи за новым перечнем.

– Заметано, – кивнул Лымарь.

Я распрощался с хозяином дома и вернулся в машину. Когда Семен открыл ворота, помахал ему на прощанье рукой и вывел УАЗ на улицу.

Уже говорил, что у нас взаимовыгодное сотрудничество? Все верно. Так оно и есть.

Господин Бородулин заведовал лабораторией на промзоне и варил для Гимназии какую-то совсем уж убойную химию, но денег много не бывает, и под мою личную гарантию, что его продукция не засветится в Форте, Виктор Петрович поставлял лекарства, которые сохраняли большую часть своих целебных свойств и в нормальном мире. Переправлять их туда было заботой моего компаньона Сергея Платонова – кондуктора, способного переходить через границу и таскать туда-обратно всякие полезные штуки.

Вылечить неизлечимую болезнь за курс из десяти инъекций дорогого стоит, а люди не имеют привычки скупиться, когда речь идет об их здоровье. Особенно люди состоятельные. Никаких страховых компаний и полисов – только наличные. И даже так очередь была расписана на несколько месяцев вперед.

Возможно, это нас и подвело. Я вспомнил о прошлогодней попытке покушения на Платона и помрачнел. Пусть уже год прошел и кондуктор уверился, что груз хотели забрать случайные люди, я об осторожности забывать не собирался. Вычислили один раз – вычислят другой.

Впрочем, утечка информации случилась точно не с моей стороны. Платон ничего не знал о Викторе Петровиче, а Виктор Петрович понятия не имел, кто такой Платон. В таком положении вещей и раньше был определенный смысл – ведь деловые люди ничего так не любят, как избавляться от посредников, а теперь это, вполне возможно, стало залогом моей безопасности. Отступаться от заведенных правил я не собирался.

Вновь колыхнулись занавески в доме напротив, но я по этому поводу несколько не беспокоился. Гимназисты хоть и приставили к ценному кадру круглосуточную охрану, но мои визиты сюда имели железную легенду: пивовар меняет отходы производства на яйца и мясо, – ну кто заподозрит в этом подвох? Тем более что хозяйство Бородулины вели с размахом и закупали корма вовсе не у меня одного.

В обратный путь я отправился другой дорогой и выехал из поселка неподалеку от бывшей учебной части Братства, ныне перестроенной под общежитие китайской общины. На Южном бульваре повернул налево и почти сразу вырулил на парковку перед длинным ангаром Колхозного рынка – одной из немногих точек, которые продолжило контролировать Братство после своего переезда в Туманный.

УАЗ встал на свободном месте между разбитой вазовской «четверкой» и перекосившейся на одну сторону «газелью», а я прихватил с собой полученную от химика коробку и отправился на рынок.

Двое охранников у входа на меня даже не взглянули. В одинаковых касках с теплыми подшлемниками, ватниках и длинных бронежилетах, с футуристического вида чарометами наперевес и короткими мечами на боках, они казались актерами из малобюджетного фантастического боевика, но недооценивать их боевых качеств ни в коем случае не стоило – воздух вокруг боевиков Братства так и дрожал от переполнявшей снаряжение магии.

Я прошел внутрь, но к торговым рядам сворачивать не стал и направился сразу в административный блок, где располагались павильоны с промышленными товарами. Торговая точка Платонова располагалась на втором этаже, там он выставлял на продажу охотничью и спортивную одежду, которую для него за бесценок по здешним меркам скупали на распродажах где-то на Аляске.

Продукция ушлого коммерсанта пользовалась постоянным спросом, торговля шла ходко, и как-то незаметно обычное прикрытие стало обеспечивать кондуктору вполне достойный доход. Но самолично он давно уже за прилавком не стоял, выбирался на место, лишь когда привозил товар или возникала особая необходимость. Как, например, сегодня.

– О, какие люди! – обрадовался моему появлению высокий плечистый парень с короткой русой бородкой, которая несколько его не старила – наоборот, лишь подчеркивала невеликие годы. – Вячеслав Владимирович, не проходите мимо!

– А я и не прохожу! – рассмеялся я, заходя в салон с многочисленными вешалками с зимней одеждой и полками со свитерами и теплыми ботинками. Выставил коробку на прилавок и объявил: – Как и договаривались, пиво принес.

Сергея Платонов повернулся к худощавому мужичку лет сорока на вид, который был у него на подхвате, и попросил:

– Дмитрий! Не в службу, а в дружбу – сходи за кофе.

– Черный или с молоком? – только и уточнил у меня Дмитрий.

– С молоком, – решил я, а как только тот вышел в коридор, напомнил кондуктору: – Пиво забирай.

Платонов покачал головой.

– Слав, ты понимаешь, я ведь из Форта завтра по делам уеду. Испортится оно. Подержи у себя. Вернись – заберу.

Я просто опешил.

– Платон, ты чего несешь? – прошипел, нависая над прилавком. – Забирай товар!

– Слава, успокойся! – столь же тихо выдохнул в ответ кондуктор. – Накладка вышла.

Я туда в этот раз ненадолго, возьму оружие – и сразу обратно. Нашими делами в следующий раз займусь. По времени уложимся нормально.

– Точно?

– Абсолютно. Подержи у себя, а я на неделе заскочу и заберу.

Вернулся Дмитрий, выставил на прилавок два стаканчика с кофе.

Я нервно отпил и поморщился. Ситуация не нравилась мне категорически.

– Слав, да ничего с твоим пивом не будет! – расплылся Сергей Платонов в беспечной улыбке и достал из-под прилавка обувную коробку с надписью «Merrell» на боку. – Лучше смотри, какие я тебе ботинки придержал! Фирма!

Коробка весила не меньше пяти килограмм, но я никак этого не выдал, осторожно поставил ее на прилавок и пробурчал:

– Дома посмотрю.

– Посмотри, – вновь улыбнулся Платон.

– Сергей, а давайте пройдемся до машины, – предложил я тогда.

– Могу помочь, – вызвался Дмитрий, но кондуктор только похлопал его по плечу.

– Не стоит. Присмотри лучше за товаром, пока Света с обеда не подошла.

Я взял коробку с медикаментами, а Платон с обувью, и мы зашагали к лестнице.

– Предупреждать надо, – выговорил я кондуктору, когда мы спустились на первый этаж. – Не мог позвонить, что ли?

– Ну извини, Слава, не подумал. Мой просчет. Хорошо?

– В машине это без присмотра не оставляю, – предупредил я компаньона и сгрузил ему картонную коробку. – Карауль, раз позвонить не удосужился.

Платон хмыкнул и выставил свою ношу на широкий подоконник, а я достал список стряпухи и отправился за покупками на продуктовые ряды. Но перед этим заглянул в офис охраны.

– Климов у себя? – спросил у скучавшего на входе охранника.

Молодой брат в полной боевой выкладке с сомнением оглядел меня и кивнул:

– У себя.

– Вот и отлично. – И я прошел в кабинет начальника охраны рынка, стены которого были сплошь завешаны разнообразными образчиками холодного оружия. В основном явными самоделками, практичными, надежными и острыми.

Невысокий худощавый парень лет на пять помладше меня, в армейских брюках и поношенном «турецком» свитере, отвернулся от окна, поставил на стол стакан с чаем и протянул широченную ладонь:

– Привет, Слава! Тебя как пропустили?

– Примелькался, наверное, – усмехнулся я, пожав руку. – Все готово?

– Даже чаю не попьешь? – удивился брат.

Я досадливо поморщился.

– Слушай, товар скоропортящийся подкинули, надо домой везти. Заходи как-нибудь, пива лучше выпьем.

Климов кивнул:

– Зайду, – и вытащил из-под стола матерчатый мешок со сделанной черным маркером надписью «Солод» на боку. – Забирай.

Я поднял с пола тяжеленный пакет, взвалил его на плечо и зашагал на выход.

– Что по деньгам? – окликнул меня Клим.

– Заходи, решим.

С мешком к Платону я возвращаться не стал и для начала оттащил его в УАЗ. Закинул в кабину и поспешил обратно. Морозный воздух обжег неприятным холодом, пришлось даже накинуть капюшон.

Затем я быстро пробежался по продуктовым рядам, набил провизией для бара пару сумок и, позвав за собой кондуктора, направился на выход.

– У тебя все спокойно? – спросил, отпирая УАЗ.

– Да, а почему спрашиваешь? – удивился Серега Платонов.

– Не люблю, когда планы меняются.

– Все путем. Все идет по плану.

Я уселся за руль, переставил коробки на пассажирское сиденье и попросил:

– Не затягивай с этим.

– Не сомневайся, – кивнул Платон, захлопнул дверцу и отсалютовал мне открытой ладонью.

Я кивнул в ответ, завел двигатель и поехал домой. По дороге то и дело посматривал в зеркала заднего вида, и хоть слежки за собой не заметил, сердце было не на месте. Поэтому из кабины перед воротами выбрался с «Шершнем» на изготовку. Но нет – никого.

Тогда запер дверцу – блин, у меня в машине товара на пару тысяч золотом! – и принялся возиться с воротами. Распахнул створки, вернулся к автомобилю и поспешно загнал его во двор. Столь же быстро закрыл ворота, схватил ящик с медикаментами и обувную коробку Платона и прошел в бар через заднюю дверь.

Все столы оказались заняты, но я все же бросил ключи от машины Ивану и попросил:

– Ваня! Как освободишься, выгрузи продукты. – А сам с коробками отправился в подвал.

К этому времени огонь под чаном уже погас, сусло через охлаждающую систему перекачали в баки для брожения, сильно пахло замоченным солодом и хмелем. Я запер за собой

дверь, потом надавил на один из кирпичей и навалился на стеллаж. Тот мягко подался и сдвинулся в сторону, освобождая проход в небольшую комнатку с механическим прессом, парой ванн и бутылками с химическими реагентами.

Я убрал коробки на пол и вернул стеллаж на место.

Иметь собственную пивоварню – это замечательно, но никогда не следует забывать о дополнительном приработке. Правда, иной раз дополнительный источник дохода может стать основным.

Тут я вспомнил о полученном от Климова мешке, выругался и побежал вверх.

– Вань, дай ключи, – попросил помощника.

– Нормально, сам продукты унесу.

– Да мне там забрать надо, – махнул я рукой, схватил ключи и выскочил на улицу.

Никакие лиходеи за это время на мою собственность не покусились, мешок оказался на месте. Я взвалил его на плечо, прихватил оставленный на пассажирском сиденье жезл «свинцовых ос» и вернулся в бар.

– Еще солод? – удивился Грачев.

– Несоложенки взял, – пояснил я, бросив ему ключи.

Мешок отнес вниз и уложил у стены, а сверху для надежности накрыл одним из пакетов, лежавших там до того. Конспирация.

После этого со спокойной душой вернулся в бар и встал за стойку. Обеденное время уже закончилось, только за одним столиком пил пиво заместитель заведующего Арсеналом Леонид Смирнов.

– Вань, ты иди продукты пока разбери, – предложил я помощнику и убрал «Шершень» под стойку к его брату-близнецу, имевшему только одно весьма существенное отличие – вместо банки с шарами у него был баллон сжатого воздуха.

Грачев взял ключи и отправился разгружать УАЗ; я повернулся к вставшему из-за стола Смирнову.

– Еще пива?

– Да, Слава, налей светлого, будь любезен.

Я открыл кран и принялся качать помпу, наполняя бокал. Пены почти не было, но люди приходили ко мне пить пиво, а не любоваться пузырьками. Что же до недостатка газов, так вкусы у всех разные, для кого-то пиво без азота – это и не пиво вовсе, а кто-то натуральный продукт предпочитает.

Впрочем, предпочитать люди могли что угодно, особого выбора у них в любом случае не было. Помимо пивоварни в Ключах, местных конкурентов у меня не имелось, торговцы же связываться с пивом не любили и везли водку. А в последнее время так и вовсе спирт, который разбавляли до нужной кондиции уже на месте.

Я принес Смирнову его пиво, забрал пустой бокал и спросил:

– Что-то еще?

Лысоватый невзрачный дядька в заляпанном масляными пятнами камуфляже покачал головой и полез в карман за кошельком.

– Остаток на мой счет запиши, – попросил он, выкладывая на стол золотую пятирублевку царской еще чеканки.

Я забрал монетку, кинул ее в кассу и сделал отметку об остатке в гроссбухе. К постоянным клиентам мы относились со всем почтением, а Смирнов мало того что был всегдашним клиентом, так еще периодически вел дела с Николаем Гордеевым. Нужный человек.

Заглянул Иван, спросил:

– Дядь Слав, может, пока чан почистить?

– Иди, – разрешил я, а сам, пользуясь отсутствием клиентов, заглянул на кухню и попросил повариху сварить порциюпельменей. С самого утра маковой росинки во рту не было.

Смирнов вскоре допил пиво и ушел, за окном рыкнул и постепенно затих двигатель его рыдвана. Бар опустел.

Все, у меня обеденный перерыв. До вечера вряд ли кто зайдет, если только заказ забрать.

Я задумался, не выпить ли пива, но вместо этого достал термос и налил чаю. Тетя Маша принесла тарелку с пельменями и пару ломтей свежего хлеба, как раз и перекусил. Потом подошел к окну, взглянул через изморозь на улицу и поежился.

На душе было беспокойно.

Всякому посреднику прекрасно известно, что не стоит держать у себя «горячий» товар, и Платон с неожиданным изменением планов изрядно спутал мне карты. Это напрягало.

Я взял оставленные Иваном на стойке ключи от машины, снял с вешалки куртку и заглянул на кухню:

– Мария, покараулите, пока Ваня в подвале возится? Мне по делам отъехать надо.

– Конечно, конечно! – согласилась помочь хлопотававшая у плиты тетенька лет пятидесяти. – Не беспокойся, Слава.

Я накинул на голову капюшон, вышел на улицу, но сразу вернулся и прихватил из-под стойки «Шершень». Потом завел не успевший остыть УАЗ и покатил в банк.

На этот раз на Красном проспекте повернул налево; за домами вспыхнули лучами заходящего солнца далекие купола церкви и окна «Тополей», сверкнул огнями и почти сразу остался позади аляповатый фасад клуба «Ширли-Муры».

На следующем перекрестке я сбросил скорость до минимума, но и так автомобиль протащило по слегка присыпанной снежком ледяной корке, и выстроившиеся к колонке с питьевой водой люди с канистрами и флягами в тележках проводили меня неодобрительными взглядами.

Дальше по правую руку возникло пустое пространство площади Павших с бетонным монументом посредине, по левую – запестрели на стенах разделенных на конторы и офисы пятиэтажек объявления и броские вывески. «Ловец удачи», «Крупы», «Сауны Тимура», «Лунные травы», «Амулеты и талисманы», «Стоматология «Белый клык», «ЧОП «Шестерня».

Время от времени меж пятиэтажек и во дворах мелькали двухэтажные особняки, а потом я оставил позади небольшой блошинный рынок, пересек Кривую и поехал вдоль ограды «Морга» – элитного доходного дома. Здание еще дореволюционной постройки казалось слегка смазанным из-за накрывавшей его магической защиты.

Не доезжая до Торгового угла, я припарковал УАЗ перед пятиэтажкой с вывеской «Центральный городской банк»; перед входом стоял рекламный щит: «Сейфовые ячейки, векселя, депозиты».

Заперев кабину, я прошел в банк и депонировал в кассе накопившиеся за неделю чеки. Потом заглянул в кабинет к управляющему и выразил желание получить доступ к своей ячейке.

– Господин Хмелев! – расплылся в улыбке банкир. – Одну минуту!

Он вызвал служащего, и тот повел меня в подвал.

– Так и не получили удостоверения личности нового образца? – спросил внизу дежурный колдун.

– Нет.

Гимназист покачал головой, провел вдоль меня жезлом с шаром из горного хрусталя в наверх и посторонился от перегоревшей проход решетки.

Тогда я приложил ладонь к магическому сканеру, и сразу загорелся зеленый огонек, щелкнул замок.

– А как же машину водите? – удивился банковский служащий, распахивая решетку.

– Без прав, – с печальным вздохом поведал я, проходя в хранилище.

На дверце моей сейфовой ячейки мигал зеленый огонек; прежде чем замок вновь оказался заблокирован, я вставил в него ключ и приложил к стальному кругляшу большой палец свободной руки. Считавшая ауру и отпечаток система колдовской защиты позволила отпереть замок; я вытащил из ящика стальную коробку и унес ее в соседнее помещение. По протоколу безопасности банковские служащие не оставляли клиентов в хранилище без присмотра и правильно делали. Мне вовсе не хотелось лишиться своего имущества по милости сумевшего обмануть охранное заклинание ловкача.

Оставшись в одиночестве, я отпер железный ящик и откинул его крышку. Ничего особо ценного внутри не хранилось – немного наличных на черный день, три разряженных амулета, общероссийский паспорт да картонная коробка с парой металлических штампов – и все же ежемесячная арендная плата вовсе не была пустой тратой денег. На охрану некоторых вещей проще потратиться, нежели восстанавливать их в случае утраты.

Сунув картонную коробку со штампами в карман куртки, я захлопнул крышку, вернул стальной ящик в ячейку и запер ее на ключ.

Банковский служащий уточнил:

– Вы закончили? – дождался утвердительного ответа и повел меня вверх по лестнице, бетонные стены которой покрывала непонятная и очень сложная роспись.

Понятия не имею, какие именно заклинания вложили в светящиеся символы гимназисты. Способностей к колдовству в свое время у меня не обнаружилось ни малейших, и если начистоту, я этому был только рад. Колдуны и маги, ведьмы и чародеи обладали множеством недоступных обычному человеку способностей, да только одно немаловажное обстоятельство сводило все их преимущества на нет: вернуться в нормальный мир им было не суждено. Они этого не могли, а я пусть и чисто теоретически, но все же мог и потому посматривал на всю эту колдовскую братию несколько даже свысока. Свобода выбора – великая вещь.

Наверху я распрощался с банковским служащим и вышел на крыльцо. Встал у машины, покрутил в руке кольцо с ключами, оглядел улицу. Не заметил ничего подозрительного, отпер кабину и быстро забрался внутрь.

Под вечер с неба посыпал легонький снежок, снежинки падали на теплое стекло и тут же таяли, покрывая его мелкими капельками воды. Я завел двигатель и под размеренное шуршание дворников поехал домой.

Людей к этому времени в баре прибавилось, было занято два стола, а кто-то из молодых устроился за стойкой и болтал с Грачевым.

– Вань, буду перловку жарить, меня не беспокой, – предупредил я.

– Так завтра же собирались? – удивился помощник.

– Планы изменились, – вздохнул я и спустился в подвал. Запер за собой дверь, достал из кармана картонную коробку, куртку кинул на стул.

Жарить перловку, которую использовал при варке стаутов вместо жженого ячменя, я и в самом деле собирался лишь завтра, собирался, но передумал – слишком уж беспокойно стало на душе после разговора с Платоном. С лекарствами ничего поделывать сейчас было нельзя – даже в банк из-за колдовской проверки на входе не отнести, – но оставалась еще полученная у кондуктора коробка. Чем раньше избавлюсь от ее содержимого, тем лучше.

Впрочем, «избавлюсь» – не то слово. Совсем не то.

Я разжег огонь, достал из кармана штанов выкидной нож Microtech Halo и выщелкнул длинный клинок. Тоже привет из прошлого; здесь подобные игрушки не в чести, здесь все гораздо брутальней.

Вспорол пакет с перловкой, я рассыпал ее по противню и сунул железный лист в печь. После этого включил вытяжку и сдвинул стеллаж, освобождая проход в потайную комнатушку. Кинул коробку со штампами на пресс, проверил реактивы. Все оказалось на месте.

Понемногу в подвале начал распространяться запах паленой перловки, я нацепил на лицо маску промышленного респиратора с хитрыми алхимическими фильтрами и вскрыл полученную от Платона коробку. Внутри оказались серые бруски металлического сплава. Свинец, сурьма и кое-что еще. Кое-что, да...

Бруски легко уместились в одной из ванночек, после этого я взял бутылку с наклейкой « $\text{HNO}_3 - 30\%$ » и залил металл тридцатипроцентным раствором азотной кислоты. Вытяжка с парами не справлялась, и хоть фильтры моего респиратора улавливали оксиды азота, я в комнатушке оставаться не стал и вышел в подвал. Заодно и перловку перевероршил.

Дым с противня так и валил, запах гари легко перекрывал вонь химических реактивов. Когда сплав свинца и сурьмы полностью растворился, я начал медленно и осторожно доливать в ванночку соляную кислоту. Дождался выпадения осадка и зажег газовую горелку. До кипения раствор доводить не требовалось, просто выдержал его так какое-то время, а потом слил во вторую ванночку. Промыл осадок дистиллированной водой и вновь запалил горелку.

Цинковые коробки из-под патронов были нарублены и ошкурены заранее, поэтому особых приготовлений не понадобилось, просто брал пластинки металла и кидал их в ванночку. После завершения химической реакции даже не стал пытаться выбрать остатки цинка пинцетом, сразу слил воду и добавил соляной кислоты. Дождался, пока прекратится выделение пузырьков, несколько раз промыл остававшийся в ванночке серый порошок дистиллированной водой и лопаткой переложил его в пластиковую банку.

Поставил на весы – без учета тары оказалось триста двадцать граммов чистого продукта.

Продукта? Да нет – серебра.

Триста двадцать грамм серебра.

Немного? В обычном мире – не особо, в Приграничье – совсем даже наоборот.

Триста двадцать грамм – это на местные деньги семнадцать рублей семьдесят восемь копеек серебром или же семьсот одиннадцать рублей двадцать две копейки золотом. Семьсот одиннадцать рублей золотом буквально из воздуха; себестоимость восстановления благородного металла из сплава и его закупочная стоимость в обычном мире по сравнению с прибылью от реализации могли просто не приниматься в расчет.

В Форте средняя заработная плата составляла хорошо если полсотни, а тут полторы тысячи в месяц на двоих. Неплохо? Я бы сказал – очень даже хорошо. Но небезопасно.

Дело было вовсе не в возможных осложнениях при работе с кислотами: опасной была сама схема. Серебро в Приграничье традиционно стоило дороже золота, за сто грамм серебра давали сто семьдесят пять грамм золота. Но с той стороны целенаправленно серебро не везли, несмотря даже на то, что, помимо всего прочего, оно входило в состав большинства алхимических и чародейских расходных материалов. По словам Платона, если взять с собой слишком много серебра, *окно* просто схлопнется, поэтому наученные горьким опытом кондукторы предпочитали не рисковать.

Платон был исключением. Но он вез не чистое серебро, а серебро в сплаве с сурьмой и свинцом и благодаря своему ноу-хау вез гораздо больше, чем полагалось возможным. Он вез – я восстанавливал.

Деньги делили пополам, ведь мало было восстановить серебро – требовалось запустить его в оборот. Ты можешь без проблем сбыть слиток серебра раз или два, если не станешь жадничать, сможешь понемногу приторговывать полгода или даже год, но рано или поздно кто-нибудь внимательный задаст резонный вопрос: «Откуда, брат?» И хоть не будет раскаленных утюгов или паяльников, ответить придется, и придется ответить правду. И тогда в лучшем случае ты продолжишь работать на дядю за малую копеечку, а скорее всего – оттаешь весной в каком-нибудь грязном сугробе. Серебро – это серьезно.

Именно поэтому я им не торговал. Я переплавлял порошок в слитки и чеканил серебряные трехрублевки – те самые «соболя». Ничего особо сложного в этом не было, вся моя ценность для Платона заключалась в том, что у меня были штампы, а у него их не было.

В очередной раз перевернув перловку на противне, я переставил газовую горелку под тигель и достал из картонной коробки штампы, намереваясь установить их в пресс, но прежде чем успел это сделать, в дверь постучали.

– Дядя Слава! – прокричал Иван Грачев. – Из госпиталя звонят!

Я оттянул с лица респиратор и раздраженно ответил:

– Пусть на трубке висят! Сейчас поднимусь!

Из госпиталя мог звонить только лечащий врач, поэтому я закрыл коробку с серебряным порошком герметичной крышкой, погасил горелку и вернул на место стеллаж, закрыв проход в потайной закуток. Затем снял с огня противень, выключил вытяжку и уже без респиратора выбежал из задымленного помещения. Запирать подвал на этот раз не стал.

Когда поднялся в бар, Иван разносил пиво, снятая трубка лежала на стойке рядом с телефонным аппаратом. Поднял ее и осторожно произнес:

– Алло?

– Слава? – послышался женский голос. – Я через час заканчиваю, встретишь меня?

– Разумеется, Ирина Сергеевна, – улыбнулся я. – Сходим куда-нибудь?

– Домой, – отрезала девушка. – Приготовлю что-нибудь на ужин, а потом завалимся спать! На работу с утра.

– Решено. – Я взглянул на часы и объявил: – Через час у тебя.

– Буду ждать.

Раздались короткие гудки, я позвал Ивана и предупредил:

– Бар сегодня на тебе. Завтра можешь прийти попозже. Хорошо?

– Не вопрос.

Я хлопнул здоровяка по плечу и поднялся на второй этаж. Отпер дверь, неким наитием уловил призрачное давление и проговорил кодовую фразу. Защитное закливание отключилось – тогда уже прошел в свои апартаменты. Комната, спальня, закуток бывшей ванной.

Еще две комнаты выходили окнами на другую сторону; их я не использовал, оставив на случай, если вдруг решится переехать Ирина. Но та снимала квартиру прямо напротив городского госпиталя, где работала, и вовсе не горела желанием менять место жительства. Да я и не настаивал – ведь в этом случае пришлось бы возить ее на работу. От прогулок по заброшенному району иной раз становилось не по себе даже мне.

Пройдя в комнату, я бросил на диван пропахшую дымом фланелевую рубаху, достал из платяного шкафа точно такую же, только чистую, и поднял лакированную крышку массивной радиолы. От старинного аппарата остались только стенки, внутри стояли бутылки.

Взял одну с пробкой, залитой синим сургучом, налил в широкий бокал двадцать грамм арманьяка «Делор Экс-О», постоял перед затянутым инеем окном, выпил. По телу немедленно разошлось приятное тепло.

Оставлять недоделанной работу не хотелось, но, честно говоря, я был рад поводу выбраться из дома и хоть немного развеяться. Устал. Да и голова разболелась, несмотря на респиратор.

Сунув в карман штанов коробок с последним набором из семи пилюль, я прицепил на пояс телескопическую дубинку, усиленную кое-какими хитрыми, пусть и нелетальными, заклинаниями. Помимо нее прихватил с собой массивный электрический фонарь со стальной ударной кромкой и парой чрезвычайно полезных заклинаний – «Ультрафиолетом» и «Сверхновой». Первое поражало чувствительных к солнечному свету тварей, второе в несколько секунд сжигало диод, ослепляя яркой вспышкой противника. Паранойя? Да нет, жизнь такая.

Я спустился в бар, незаметно передал Ивану «Шершень», предупредил его:

– Все, ушел, – и направился на выход, попутно здороваясь с завсегдатаями. На выходе натянул на голову вязаную лыжную шапочку, накинул поверх нее капюшон и решительно шагнул в сумрак зимнего вечера.

Середина декабря, солнце ненадолго поднимается над горизонтом и сразу валится обратно, но на улицах светло. Нет, действительно – светло. И фонари у контор и магазинов горят, и снег свою роль играет.

Зима – темное время года? Возможно, в тех благодатных местах, где даже в декабре не устанавливается снежный покров, это и так, а у нас круглые сутки светло. По крайней мере, незамеченным из темноты никто не выскочит, если сам по развалинам шастать не станешь.

Я и не стал. В обход нашего особняка вышел на протоптанную вдоль Красного проспекта дорожку, натянул теплые вязаные перчатки, с внутренней стороны обшитые замшей, и зашагал к госпиталю.

К вечеру заметно похолодало, дыхание вырывалось клубами белого пара, злой морозец прихватывал ноздри. Но людей на улицах хватало. По-прежнему стояла длинная очередь у колонки с питьевой водой, толпились на блошином рынке припозднившиеся покупатели, расходились от офисных пятиэтажек обитатели тамошних контор. Дружинников также хватало. Пока шел, заметил пару автомобилей характерной сине-белой расцветки и три пеших патруля.

Моя Дружина меня бережет? Хм... можно и так сказать.

Дойдя до узенькой дороги, уходящей к Западным воротам, я свернул с Красного проспекта и направился к темневшей вдалеке громаде штаб-квартиры Лиги. Обнесенный высоким забором комплекс зданий бывшей женской тюрьмы заставлял нервно ежиться; приближаться к окружавшему его пустырю не хотелось. Впрочем, этого сейчас и не требовалось.

Когда проходил мимо зала игровых автоматов «Captain F.» – подвыпившая компания на крыльце притихла, но цепляться не стала, и я спокойно свернул во дворы. Там уже никаких темных подворотен не было и в помине: светили фонари, катались с залитой снежной горки дети, стоял у ворот госпиталя фургон с эмблемой отряда самообороны Лиги – нарисованным через трафарет комаром. Образцово-показательный квартал, да и только.

В самом лечебном заведении две крепкого сложения девушки-охранницы в одинаковых кустарных бронежилетах, с деревянными жезлами и пистолетными кобурами на ремнях форменных брюк оглядели меня с головы до ног, не сочли достойным внимания и вернулись к прерванному разговору.

Подходить к регистратуре я не стал, снял шапку, расстегнул куртку и уселся на скамью с обшивкой из дерматина, пестревшей многочисленными ножевыми разрезами. Только посмотрел на часы – и сразу из служебного коридора появилась светловолосая девушка лет тридцати в длинной беличьей шубе с капюшоном, теплых сапогах и меховой шапке.

– Ты пунктуален, – поцеловала она меня в щеку.

– Точно не хочешь куда-то сходить? – спросил я, распахнув дверь.

– Не хочу, – подтвердила Ирина. – Пойдем ко мне! Я курицу приготовлю.

– Пойдем.

И мы пошли. Поужинали и занялись тем, чем обычно занимаются на свиданиях взрослые люди, не обремененные моральными обязательствами перед третьими лицами.

Легли спать? Именно. В итоге мы действительно легли спать.

Коля Клондайк. Чуть раньше чем за год до событий

– Вот так, давай, уже лучше. – Я почувствовал чью-то руку у себя на лице.

Кто-то похлопывал меня по щеке, словно настойчиво требуя проснуться.

Полное онемение всего тела. Боли нет, но и не чувствую ничего. Во рту какой-то странный привкус, словно смесь свинца и хвои.

На чем-то мягком лежу вроде как.

Открыть глаза? А почему бы и нет?

Открыл.

Платон, Дмитрий и еще какой-то парень, худой, с редкой бородкой, длинные волосы убраны в хвост. На нем свитер, толстый, с воротником под подбородок... и еще пальцы худые, длинные, как у пианиста, в пальцах какой-то флакон с золотистой жидкостью.

У Дмитрия вид неуверенный и перепуганный. «Дружественный огонь»?

Попробовал глубоко вздохнуть – получилось. Нормально, без особой даже боли.

– На, дыши еще, – сказал худой, сунув флакон под самый нос. – У тебя там крови в легких литра два еще, надо дочистить.

Флакончиком? Ну-ну. Но вообще я этих двух литров как-то не ощущаю. Слабый – да, немного болит в самой середине грудины, но дышу, не хлюпаю.

– Да нормально вроде, – прохрипел я, или скорее даже прокаркал.

Платон с Дмитрием вздохнули хором. Потом Дмитрий сказал, явно смутившись:

– Слышь, Коль, ты извини, что так... я не понял сначала, где кто.

– Ага, я сам не в курсе был, – как-то не очень понятно поддержал его Платон.

– Не в курсе чего?

Платон махнул рукой, явно не горя желанием углубляться в подробности, просто сказал:

– Подвели к нам тех двоих, выходит. Привалить нас хотели, но ты их сам... А Дмитрий не в курсе был, вот и вышло так... не пойми как. Но ты уже в норме, жить будешь, не беспокойся.

Наконец я соизволил обратить внимание на комнату вокруг. Палата больничная? Вроде нет, просто комната в избе, даже стены бревенчатые. Окошки маленькие, изморозью затянутые. На стене в кольце лампа масляная, похоже. Какая-то охотничья «кабина»? По стилю не похоже, как-то все больно по-русски выглядит, американцы даже на Аляске по-другому строят.

А над кроватью коврик на стене, три оленя, спускающиеся к пруду.

– Seriously? – спросил я, покосившись на коврик.

– Не, а че? – неожиданно хихикнул молодой. – Нормально.

Что-то я с мысли сбился. На коврик.

– Коль, ты не пугайся, – вновь заговорил Платон, – но мы тебя с собой затащили.

Сквозь туман в голове начал пробиваться луч света. Не могу сказать, что к большой радости.

– Куда? – Я очумело вылупил на Платона.

– К нам, – вздохнул он, явно не желая договаривать до конца. – Ну... в Приграничье...

Ты в курсе, я же тебе все рассказывал.

Ну да, я в курсе. Еще в курсе про «ниппель». Про туда и оттуда. А я уже там, так?

– И на хрена? – спросил я тихо и даже вкрадчиво.

Прозвучало как-то не очень добро, эмоции сказались. Но Платон не смутился.

– Помирал ты, – вздохнул он. – Там бы мы тебя не спасли, ты уже все был, готовый покойник, считай. Ты две пули схватил в грудь, хорошо хоть не в сердце, насквозь прошли, ну и ты прожил пару минут лишних.

Дмитрий явно вновь смутился и уставился в окно, избегая моего взгляда.

– А здесь?

– А здесь спасли, – опять вступил в разговор тощий. – Здесь можно многое сделать из того, чего нельзя там. Но если не нравится, то можем и добить. – Он усмехнулся и добавил: – Шутка. Типа восстановим статус-кво и все такое. Тебе же все равно где похороненным быть?

– Смешно, – кивнул я осторожно.

– Обхохочешься, – добавил Платон.

– И что теперь? – уточнил я.

– А что теперь? – пожал он плечами. – Машины мы протащили. Две. Твою бросили, а с грузом взяли. Одну должны были эти забрать, – он кивнул куда-то в сторону входной двери, подразумевая убитых, – но ты их в расход вывел, обоих. Ну и забирай себе «шевролет» вместе со всем. Бабки они платили, товар твой – и трофей твой.

– И куда мне с ним?

– А в Форт, – пожал плечами Платон. – Тоже рассказывал.

Вообще-то «рассказывал» – звучит сильно. Рассказывал Платоша как раз немного и очень... явно фильтруя информацию. Ну да, «Форт», я помню. Город северный, который провалился когда-то куда-то в тартарары. Там Платон и живет. Что там? Холодно, холодней, чем на Аляске, чистый Север, как я понимаю. Якутия какая-то.

– Платон, у меня бизнес в Фэрбэнксе, – напомнил я ему.

– Так у тебя же партнер есть.

– Есть.

Партнер у меня есть, Дюпре, из канадцев. И что теперь? Где река, а где именье? Он там, я здесь, по телефону не звякнешь. Именно так я и спросил.

– Пусть выкупит у тебя долю, – словно с маленьким разговаривая, усмехнулся Платон. – Возьми товаром. Ну а дальше сам разберешься.

Может, и разберусь. Я вообще много раз в жизни со многим разбирался, да и в Фэрбэнксе всего два года прожил. Но вот как-то обычно все планово было, максимум от тяги к смене мест, а вот чтобы так...

– Разберусь, говоришь? – спросил я и закусил нижнюю губу, как обычно делаю, когда размышляю очень глубоко. – Может, и разберусь, это точно. Вставать-то мне уже можно?

Вообще-то я хорошо помню, что в кузове «шеви» лежало, но проверить бы не мешало все же. И «глок» мой где, кстати?

«Глок» на той стороне остался, как выяснилось. Но я о нем потом и не жалел, поскольку... ну, приоритеты тут в оружейном деле другие.

– Не знакомы, кстати, – протянул я руку тощему. – Николай.

– Саня, – представился тот.

– Чародей он, – добавил Платон. – С нами работает.

– Кто?

– Ча-ро-дей, – по слогам повторил Саня. – Чары дею. Вот то, что тебя сюда довести смогли, где тебе «исцеления» вкололи – это как раз мой амулет сработал, куда я эти самые чары и закачал. Привкус есть во рту?

– Хвоя, – пожевал я губами. – И свинец какой-то вроде.

– Хвоя от «исцеления», а вот свинец... это уже от амулета. У кого как бывает, мог и вообще дерьма привкус быть.

– Я бы дерьма не опознал: не пробовал, – уверил я его.

Чародей. В сказку попал. Нет, что-то тоже слышал, но опять же... я уже объяснял. В сказках оно вообще так, чем дальше – тем ну его на хрен.

Лудино. Село называлось Лудино. А в этом селе был дом, в котором Платон с Саней половину дома снимали. Иногда. И сарай. Хозяевами были там мужик с теткой, оба годам к пятидесяти, одинаково невысокие, коренастые и не слишком разговорчивые, но к гостям своим относились с заметным почтением. Машины стояли во дворе. Желтый брезент в кузове «шеви» всерьез так кровью перемазан, моей. Ну да, туда же меня и закинули.

Как глянул на кровь, так и понял, что не соврал мне Платон. Не мог я выжить за три часа езды до ближайшего города, если столько крови потерял. Наверное, попасть сюда и было единственным выходом. Тогда хорошо, что не бросили, большое, так сказать, за это им человеческое спасибо. Зато живой и бодрый, как новый почти.

А на улице мороз уже вполне всерьез, пришлось куртку застегивать под горло и все равно... не то чтобы совсем тепло стало. Черт, а «выживательская» куртка, которая совсем теплая, в моем «сильверадо» осталась, а сейчас бы как раз пригодилась.

– Поедем – брезент снимите, – сказал Платон, наблюдавший за мной с крыльца. – Кро-вищи больно до хрена, может приманить кого не надо.

– И что с ним делать?

– Или сожги, или отстирай в растворителе, – пожал он плечами. – И ты вообще как? Оклемался?

– Да вроде бы, только жрать хочу зверски.

– Это хорошо, – кивнул он уверенно. – Это ты на поправку прешь скорым ходом, организму калории нужны. Сейчас пройдемся, тут есть где пожрать. Чего-то ты одет легко.

– Это моя вина, что ли? – удивился я такому заявлению.

– Не, я про то, что надо че-то с этим делать, – пояснил он. – Тут сельпо есть, можно тулуп какой-нибудь найти.

– Кредитки принимают? – усмехнулся я.

– Ты как маленький, ей-богу, – развел руками Платон. – Коль, у тебя добра в кузове на мильен по местным ценам. Возьми что попроще, там махнешь и еще с прибылью останешься.

Ну да, ну да... только как-то я все еще не здесь мозгами, ощущение такое, будто то ли сплю, то ли это шутка такая, то ли вообще не знаю что. Торможу сильно покуда.

– Тут стволы на себе носят?

– Тут носят, – кивнул он. – Хотя все очень сложно. А вот в Форте надо бы уже разрешение пробивать. Но это решаемо, у нас все решаемо в этой нелегкой жизни.

Вооружиться надо, значит. На Аляске я без ствола из дома не выходил, просто по привычке, и без утраченного «глока» себя разве что не голым ощущаю.

Быстро осмотрев ящики, нашел нужный, отпер крышку – есть контакт, пластиковые коробки стоймя. Вытащил одну, открыл – на сером поролоне блестящий револьвер из нержавеющей стали. Крупный такой, с барабаном без долов. Покрутил в руке, кивнул, затем в другой ящик полез, за кобурой и патронами.

Пока у машины возился, из дома вышел Дмитрий, полез в кабину «форда».

– Так, мне надо бы тогда ликбез с вами провести, – сказал вдруг Платон, глядя на то, как я прилаживаю кобуру с револьвером «по-альяскински» на грудь. – Тут как бы правила игры другие. Дмитрию я раньше рассказывал, а тебе, Коль, как бы не довелось послушать.

– И что я делаю не так? – осведомился я.

– Да пока все так, но... расскажу, короче. Пошли. Дмитрий, жрать с нами пойдешь?

– Жрать? – задумался тот. – Жрать пойду. Жрать я всегда.

А так и не скажешь, если по комплекции судить.

Я полез в другой ящик, вытащил оттуда помпу «ремингтон» с чехлом, потом, подумав, докинул прямо в чехол две коробки патронов, с пулей и картечью. Товаром будет – надо же с чего-то начинать, верно?

Распахнувшаяся калитка вывела нас на обычную сельскую улицу – дощатые заборы, бревенчатые дома, на подклетьях больше, то есть строились тут именно что по-северному. Из труб дым валит, в конце улицы церковь видна – идилия, в общем. Снег утоптан и уезжен, под ногами скрипит. Где-то собаки брешут, но не здесь, на другой улице.

– Тут место интересное, – с ходу взялся учить Платон. – Территория Форта, но вроде как под контролем Города. Город с Фортком на ножах, но городские здесь тихо сидят в принципе, потому что дорога отсюда одна и отрезать от снабжения труда большого не составит.

– И чего им тогда тут надо?

– Нефть здесь есть. И заводик тут поставили, перерабатывающий. У Форта сил его отбить не хватит, да и рванут его городские, если наши в атаку пойдут. А так тут соглашение о разделе продукции – литр в Форт, литр в Город, и еще литр городским за себестоимость. Вот и получается тут междуцарствие некое. Менты местные, а гарнизон городской.

– А нам это чем грозит?

– Ничем, в принципе, горожане здесь не борзуют, – пожал плечами Платон. – Просто учитывать надо... в поведении. А само Лудино, таким образом, вроде как независимое получается. Они так думают, по крайней мере. И нам нормально с нашими делишками: с тутошной ментовкой договорился – и там хоть трава не расти, никто в твои дела не лезет.

– А кто лезть будет? – уточнил я.

– Да кто только не будет, Коль, – усмехнулся Платон. – У нас тут разгар девяностых, с примесью магии и постапокалиптики. И крышевать все всех рвутся, и долю тянуть, и рынки делить, а все кондукторы давно под Северореченском, к слову. Я один такой, наверное, бесконтрольный. И знаешь почему? Потому что дверь моя здесь. А городские северореченских в эти края на пушечный выстрел не подпускают, ну и я осторожный и с людьми дружу.

– Дружить надо, это точно, – согласился я.

У церкви дорога свернула к рынку, похоже, а у входа на рынок я увидел длинный двухэтажный бревенчатый дом с вывеской «Гостиница».

– Тут и пожрем, – показал на дом Платон. – А сельпо на рынке, прямо за гостиницей, туда и зайдем. Мить, если тебе в магазин не надо, может, ты пока столик займешь да пожрать закажешь?

– А что заказывать?

– А тут или курица, или свинина. И гарнир или картошка, или макароны.

– Заказывать-то чего?

– Свинину с картошкой, – хором выдали мы.

– И суп какой там у них есть на сегодня, – добавил Платон.

Дмитрий кивнул и свернул к гостинице, а мы вдвоем пошли дальше. Впрочем, далеко идти и вправду не пришлось: еще один бревенчатый дом с лаконичной вывеской «Магазин» оказался прямо за воротами. Поднялись на крыльцо, топя ботинками, чтобы с них снег сбить, я потянул дверь на тугой пружине. Пахло теплом и запахом нафталина, а мы вошли в полутемное помещение с дощатым прилавком, за которым сидел упитанный мужик в овчинном жилете, читавший книгу. Он посмотрел на нас вопросительно, но книги откладывать не стал.

– Здравствуй, Михал Степаныч, – поздоровался с ним Платон.

– Привет, Серега, – назвал Платона по имени мужик. – С чем пришли?

В магазине было все, от пакетов с крупой до ружей и винтовок, стоявших рядом в пирамиде. Одежда тоже была, с обувью, полушубки и валенки занимали целый угол. Еще в магазине было тепло почти до жары, пахло горелым деревом и горячим металлом.

– Человек с нами оттуда. – Платон показал почему-то на потолок. – А куртец у него не по сезону. И на продажу кое-чего имеет. Коль, покажи товар, – кивнул он мне.

Я выложил чехол на прилавок, со вжиканьем расстегнул молнию, открыл.

– «Рем-восемь-семьдесят», семизарядный, две коробки патронов в комплекте, – коротко описал я товар.

Продавец хмыкнул, явно стараясь изобразить скептицизм, взял ружье в руки. Покрутил, без большого знания явно, заглянул в затвор, дернул неуклюже цевье, щелкнул спуском, не слишком ловко приложив приклад к плечу, потом, явно не найдя, что еще можно сказать, просто спросил:

– Сколько хочешь за него?

– Девяносто золотом, – тут же ответил Платон. – Без торга.

– Ты с ума сошел! – замахал руками хозяин. – Больше полтинника...

– Степаныч! – Рука Платона взмыла в предупреждающем жесте. – Нет торга. В Форте дорожке уйдет, я же знаю. Просто товарищу деньги прямо сейчас нужны, а то у него одни кредитки. – Речь завершилась чуть ехидной ухмылкой.

– А то моя вина, ага, – вздохнул я. – Я сюда прямо рвался.

– Не рвался, но попал.

– А это что у тебя? – Хозяин вдруг заинтересовался висящим на груди револьвером.

– По цене договорились? – вместо ответа задал я вопрос.

Степаныч вздохнул горько, на манер «давайте, грабьте», затем полез куда-то под прилавок, как оказалось – за деньгами. Затем на прилавке появилась груда мелочи, при ближайшем рассмотрении обернувшейся золотой. Монеты были разные, разной степени потертости, среди них и серебряный рубль затесался, но Платон быстро их пересчитал и сыпал мне в ладонь, уверив:

– Все правильно, Степаныч, как всегда, без обмана.

– Так что за ствол у тебя, любезный? – повторил вопрос Степаныч. – Дорогой?

– Ствол дорогой... более или менее. – Я вытащил длинный револьвер из кобуры. – «Ругер Супер Рэдхоук» под «четыре пятьдесят четыре кэсалл». – Я откинул барабан и, высыпав патроны на ладонь, протянул оружие хозяину.

– У тебя там никакой магии? – чуть опасливо спросил тот, избегая брать в руки.

– Магии? – в первый момент не понял я.

– Да довелось тут всякое видеть, – пояснил Степаныч. – Мужичку одному из Форты чародей ружье усовершенствовал типа. Кто чужой берет – его током шарашит. Шутник вроде. У нас, правда, дошутился – ружье отобрали все же и сломали к черту, а самого к лекарю с сотрясением мозга отнесли.

– Вот как... – задумчиво кивнул я, связав в цепочку оружие и чародея Саню. – Нет, пока без всякой магии.

Я отдал ему ствол и один из патронов, сказав только, чтобы поосторожней был. Как-то не показался мне Степаныч уверенным пользователем.

Пока Степаныч крутил в руках большой и тяжелый револьвер, слушая пояснения Платона, не сильно-то и разбиравшегося в предмете, я начал перебирать висевшие рядом тулупы, какими «магазин» тоже торговал. Обычные такие тулупы, только крашены в разный цвет. Есть простые белые, вроде военных, есть черные, а есть и настоящие дубленки, причем они подороже.

– Волк? – спросил я, снимая с вешалки на удивление добротную короткую серую шубу.

– Волк! – кивнул Степаныч. – Тепло – страсть. И сносу нет.

– Это я знаю.

Была у меня подобная когда-то. И в снег, и в мороз куда угодно в ней, только собаки не любили. Но так и я их не люблю, так что плевать.

– Почем?

На ценнике фломастером «25» написано.

– Четвертной, золотом, – сказал Степаныч. – А на кого патрон такой зверский?

– На медведя. Я серьезно, – добавил я, перехватив его ухмылку. – На Аляске первая самооборона от гризли. Рыбаки тех же ружей или винтовок носить не любят, мешают, поэтому такие револьверы и таскают. Я сам и таскал.

– Ну да, – нахмурился Степаныч, – вообще здоровый патрон, ага.

– Так я шубу беру?

– Бери, бери, – закивал он. – А еще такой револьвер есть?

– Нет больше, – соврал я. – Этот на мне был, один такой.

Не надо торопиться. Деньги есть – пока осмотрюсь. А так у меня пятьдесят разных стволов в пикапе, не считая всего прочего.

В общем, вышел я из магазина в волчьей шубе и с сумкой, в которой лежала моя куртка. Хотел и валенки взять, но передумал: ботинки у меня на любой мороз годятся, тоже торопиться смысла нет. Да и машину вести в валенках не очень. А вот Платон, к слову, в подшитых валенках уже топал, и в таких же почти все встречные прохожие были. Простая жизнь.

Дмитрий нас уже ждал. На столе перед ним стояли три миски супа, одна уже почти пустая, и кувшин с чем-то. На деревянном подносике нарезанный хлеб горкой.

Столовая, или как там это правильно называть, занимала половину первого этажа гостиницы. Сейчас зал был пуст, разве что за столиком у самого окна раздачи сидел какой-то вояка в камуфляже, автомат стоял рядом у стены, около брошенной на пол разгрузки. В зале пахло жарящимся мясом, отчего мой голод озверело кинулся в атаку.

– Опаньки, – сказал Платон, потирая руки. – Что за супец?

– Картофельный, – ответил Дмитрий. – Но нормальный. По песярику? Я заказывать не стал, но... Гаишников тут нет ведь?

– От песярика беды точно не будет, – уверенно заявил Платон, усаживаясь за стол.

Молодой парень в белом переднике подошел к нам, поздоровался и тут же ушел, вскоре вернувшись с маленьким графинчиком.

– Триста, – сказал он, поставив графинчик на стол вместе с тремя рюмками. – Только у нас самогон, пятьдесят градусов, так что учитывайте.

– Учтем, – уверенно сказал Платон, взявшись за разлив. – Мы по чуточке, мужики, ага? Чтобы на три разлива хватило и не косеть.

Самогон оказался крепким, едучим, но вполне чистым, даже запаха почти что никакого. Под супчик первая рюмка провалилась легко и, даром что в ней на дне было, в голову слегка стукнула.

– Коль, Мить, – за новую жизнь, – произнес Платон. – У Мити тоже причина вроде твоей, только во времени растянутая, – наш проводник повернулся ко мне: – Рак у него, в терминальной.

Я посмотрел на того вопросительно, и Дмитрий кивнул.

– Там все, а здесь залечим. В Форт приедем – и через пару дней в норме будет.

– Надеюсь, – усмехнулся Дмитрий.

– Ты Николая убил же, наповал считай, – даже чуть возмутился Платон. – Не далее как вчера. А тепер с ним водку пьешь. Ну и к чему сомнения?

Та первая поездка до Форта запомнилась мне навсегда, хотя с нами абсолютно ничего не случилось. Сначала мы подъехали к КПП на въезде в село, за которым, за бетонными

блоками, стоял старенький БТР-60, оставив пулеметный ствол на дорогу перед собой. БТР, может, и старенький, но аргумент у него серьезный, внушает уважение. Там вояки быстро записали наши данные в какой-то журнал, страсть как поразившись моему водительскому удостоверению, выданному штатом Аляска, да и выпустили нас на дорогу, пока еще едва освещающую поднимавшимся солнцем.

Мы ехали по засыпанному укатанным снегом старому шоссе, встав своими двумя пикапами за «Уралом», в котором вместе с мешками и ящиками сидело несколько разнообразно вооруженных людей. Сама дорога шла то по лесу, то среди полей с перелесками, машины шли небыстро, километров пятьдесят в час, не больше, да больше и не хотелось: трясти начнет. Из кузова грузовика на нас поглядывали с явной завистью – в кабинах тепло, а за бортом было заметно за двадцать, при этом, со слов Платона, это еще только начало зимы.

В селе со странным названием Волчий Лог к нам присоединился вполне новый с виду пазик, высоко сидящий над дорогой, всерьез набитый пассажирами. На нем даже табличка висела «Форт – Старая Мельница – Волчий Лог». Цивилизация.

– Счастливый ты человек, что со своим транспортом, – между тем разглагольствовал Платон. – Это и для бизнеса хорошо, и уважение, и все такое. Раньше тут сплошь на конской тяге все было, несколько лет назад еще.

– А чего так?

– Бензина не было. В Городе были хранилища, но Город хрен с кем делился. А тут как нефть в Лудино нашли, сразу проще стало. Проводники сразу транспорт потащили, а в Городе военные склады длительного хранения были, вот они их и расконсервировали.

– Ты машины, что от меня брал, сам продаешь?

– Не, – замотал он головой. – Вопросы возникнут. В Форте никто не знает, что я кондуктор, так что шифруюсь под посредника в закосе.

– А что не так?

– Долгая история, – поморщился он. – Есть тут одна... сила... что пытается это дело монополизировать, но я на дядю не работаю.

– Типа фрилансер?

– Именно. В Лудино начальник ментовки знает – да и достаточно. Он в доле чуток, прикрывает. А из-за рейнджеров там лишние не шляются, поэтому можно дела вести.

– Рейнджеров? – не понял я.

– Прилипла хохма чья-то, – махнул он рукой. – В Городе их патрульными частями называли, но Патруль и в Форте есть, так что название не прижилось, одно с другим путали. А кто-то смеха ради рейнджерами назвал – и прилипло, не оторвешь.

Ну да, так обычно и бывает.

Запомнился же мне путь до Форта практически нереальной странностью происходящего, объяснениями, которыми сыпал всю дорогу Платон, не прерываясь даже тогда, когда жевал бутерброд с копченой колбасой. Участок странно комковатого снега, обозначенного полосатыми вешками, он назвал «гнездом снежных червей».

– На таком месте даже машиной лучше не ехать: колесо провалиться может, – объяснял он. – А так ногу отхватят в лучшем случае, они еще и ядовитые. Их в этих краях почему-то всегда много, вечная проблема.

– Черви в снегу? – уточнил я.

– Да хрен знает, черви это или что другое. Длинные, сантиметров по тридцать, на червей похожи, только еще и со жвалами вроде паучьих.

– И что, не уничтожат гнездо?

– Да только вскрыли, наверное. Те же рейнджеры подъедут да и выжгут на хрен.

Я только кивнул.

– У нас же тут два мира перемешалось – наш и хрен пойми чей. Два мира – две системы, так сказать. А там все снежное, вплоть до ягод. Понятия «Мрак», «Тьма», «Стужа», «нечисть» и «нежить» у нас тут вполне бытовые. Тут что волки стаями – что нечисть толпами.оборотни и вампиры, вурдалаки и волколаки, на выбор. Кого не хватает? Снежные люди – вроде питекантропов с зачатками магии. Колдуны. Маги. Чародеи. Ведьмы. Во-он тот поворот видишь?

Платон указал на ничем не примечательный проселок, отходивший от главной дороги.

– Вижу.

– Там хутор был. Хозяев вампиры выели и сами заселились семьей. И знаешь что? Даже не чудили здесь: жрали народ в других местах. А так даже на постой принимали, и ничего.

– И чем закончилось?

– Патруль на них набрел как-то, вскрыли сущность. Там их вроде всех и перебили – в патруле мужики опытные, умеют это дело.

– А сейчас там чего?

– А черт его знает, ничего вроде. Опечатали место. Его с нуля чистить надо, защиту укреплять и все такое, а желающих пока нет.

Вампиры. Они всех съели, а их убили. А я сижу, значит, и все это слушаю. И что удивительней всего – в эту хрень еще и верю. Нет, серьезно верю, не посылаю Платона по маме, не хохочу истерически, а еще и подробности выспрашиваю. Хотя... если человек появляется у тебя, а затем проваливается в никуда, а потом ты его вновь встречаешь ниоткуда – что-то такое все же предполагать можно.

– А вампиров чем? Осинovým колом?

– Колом не обязательно, просто осиной. Башку можно отрезать. Огня не любят.

Осиной. Просто осиной. Затем слово «осина» в голове у меня трансформировалось в термин «пуля Вицлебена». Знают здесь такую?

– Че за пуля? – не понял Платон.

– Свинцовый нос, деревянный хвост за стабилизатор. Если вампир ваш осину не любит, то это прямо для него – застрянет в теле.

– Вот ты бы такие и делал, – сразу сказал Платон. – Тебе же по специальности, так?

– Их кто хочешь сделает, ничего сложного, – пожал я плечами. – А Степаныч насчет оружия с магическими приблудами говорил. Это ценится?

Платон внимательно и как-то задумчиво посмотрел на меня, затем кивнул:

– Это ценится, да. И Саня неплохой чародей, многое умеет. Ты об этом?

– Как-то так примерно, – пальцами я изобразил «примерность».

– Лицензия нужна. От Дружины. На работу с оружием, и главное – ввоз его в Форт.

– Фигасе, – удивился я. – А куда мне все это девать? – Я показал пальцем за плечо.

– Комендантуре на хранение сдашь. Я с человеком нормальным познакомлю, так что все в сохранности будет, пока ты бумажки получать станешь. С холодняком только можно. И с магическим сертифицированным.

– Это как?

– Это чтобы ты не мог менту... то есть дружиннику, навредить. Их бляхи – это тоже амулеты, поэтому все, что в Форте сертифицировано, на них не срабатывает.

– Тю-у-у... – протянул я разочарованно. – Сам же говоришь, что у вас там девяностые, а я и ствола не прихвати?

– Да сделаем тебе лицензию, если у тебя оружейный будет. И другие варианты всегда есть.

– Я на тебя надеюсь, – хмыкнул я в ответ на заявление.

Нет, с оружием я слишком сильно сжился, чтобы вот так запросто с ним расставаться.

На подъезде к Форту природа сменилась самой натуральной разрухой. Дорога стала грязной, пошла меж каких-то развалин, старых промзон, посадок причудливого вида синеватых деревьев, каких я отордьясь не видел. Настроение начало портиться прямо на глазах – в таком месте жить, откровенно говоря, не хотелось.

Перед городом «Урал» с пазиком разъехались. Грузовик свернул в сторону, а вот автобус поехал с нами, как сказал Платон – к Юго-восточным воротам. Зато к нам присоединился уазик с надписью «Дружина» и изображением сокола на дверцах, который колонну и возглавил.

– Так можно было через другие ворота заехать, – сказал Платон, – но тебе груз на хранение надо сдать, а здесь комендатура. Так что у ворот чуток подождать придется.

– Подождем, – вздохнул я.

Настроение портилось на глазах. Вспомнился дом на окраине Фэрбэнкса, на шести акрах земли, вспомнился родной и любимый магазин, где все сияет металлом и лаком, вспомнилась комфортная и сытая американская жизнь. Природный авантюризм быстро сдувался дырявым шариком и терялся под волной накатывающей депрессии. Тут что, действительно люди живут? А мне, как Платону, обратно никак нельзя, а? Я бы заплатил. И здесь, и даже там.

Автобус тормознул у остановки с надписью «Торговый пяточок», который больше напоминал Рижский рынок начала девяностых, перенесенный на грязный истоптанный снег. Но лица у людей были... обычные. Ни вселенской тоски на них, ни какой иной убогости. Живут все же, просто живут.

Город же, похоже, и вправду был обнесен стеной. Стена вовсе не создавала ощущения того, что перед тобой шедевр фортификации. Стену слепили «из того, что было» – бетонные блоки, сваи, кирпичи, и все это втискивалось между многоэтажными домами, в которых закладывались все тем же разношерстным кирпичом оконные проемы. Так строят в спешке, явно чего-то сильно опасаясь. По верху стены шли витки «егозы», на верхотуре сторожевой вышки, добротной, бетонной, виднелся крупнокалиберный пулемет и головы двух караульных.

Ворота же были высокими, железными, крашенными в уставной зеленый цвет, и сейчас были открыты настежь, въезд в город перегораживался лишь шлагбаумом, возле которого тоже перетапывались на снегу двое в теплом камуфляже, вооруженные автоматами.

– Комендачи, – пояснил Платон. – Теперь ждем очереди. Точнее, ты жди, а я сейчас вернусь.

И с этими словами он выбрался из машины, запустив в кабину волну морозного воздуха. Я видел, как Платон пробежал мимо очереди машин и исчез за дверью КПП. Мы успели продвинуться практически до самого шлагбаума, когда он выскочил обратно, явно чем-то довольный.

– Нашел нужного человека, все нормально будет, – известил он меня, забираясь обратно в кабину.

Когда дошла очередь до нас, меня ждал следующий сюрприз. Снаружи КПП презентабельностью не блистал, но внутри я увидел нечто совсем необычное – часть помещения отделена стойкой с бронестеклом, за ним двое вояк в «дубке» и какой-то мужик в свитере, самым натуральным образом глядящий в хрустальный шар: вот-вот судьбу предсказывать начнет. Я даже хотел это как-то прокомментировать, но Платон толкнул меня в спину и сказал, что нас ждут, торопись, мол.

Затем была еще комната, окончательно добившая меня пентаграмма на полу, выложенная металлической лентой. Из стен торчали какие-то латунные штыри и трубки, по проему шел толстый кабель, и в этой комнате мы бесцельно протоптались пару минут, после чего нас пропустили дальше.

Дальше – это в очередную комнату, больше похожую на зал ожидания маленького автовокзала, где нам навстречу поднялся со скамейки человек в форме – высокий, плечистый, в небольших очках в золотистой оправе, который с ходу протянул лопатообразную ладонь и представился гулким, рыкающим голосом:

– Атаманов.

– Да знаю я, – шагнул я навстречу. – Ты как здесь оказался?

Атаманов как на стену наткнулся. Потом развел руками и сказал:

– Вот уж кого тут, честно, не ожидал видеть. Ты здесь как?

Если мир тесен, то как это расценивать, когда уже и мир-то не наш?

– Затащили. – Я показал на Платона, с недоумением слушавшего наш диалог. – А ты?

– Лучше и не спрашивай, – усмехнулся он. – Но ты проходи, проходи.

Большими друзьями мы с Петей Атамановым не были, но служили вместе, причем довольно долго. Я, правда, больше по штабной линии рос, а Петя по строевой, но это не суть важно. Вместе были в командировках, вместе росли, потом наши пути разошлись. Атаманов продолжил службу, его куда-то на север перевели, а я уволился из рядов, так сказать, занявшись своими делами. И с тех пор наши пути не пересекались до того дня.

Хотя опять же друзьями мы и не были раньше, но и недругами тоже, скорее приятелями, так что моему появлению Петя обрадовался совершенно искренне. И так же искренне обрадовал меня тем, что служил уже заместителем коменданта Форты, то есть не последним человеком, так что с приемом особо ценного товара на хранение помог, разместив его на своем складе РАВ и передав некоей прапорщице-блондинке, неожиданно миловидной, отчего я сразу заподозрил, что там имеется особая степень доверия.

Более того, в тот день Петя зазвал меня в гости, пообещав на следующий день привезти куда скажут. Мы пили с ним водку всю ночь в его холостяцкой квартире, не жалея здоровья, я слушал истории, не веря ни в одну из них до конца, а на следующий день фырчащая зеленая «буханка» с надписью «Комендатура» на борту привезла меня к кирпичной пятиэтажке, где проживал чародей Саня, любезно согласившийся предоставить мне одну комнату своей двушки до обустройства. Это его Платон подговорил, причем совершенно умышленно.

Саня жил неподалеку от КПП, в микрорайоне, именуемом почему-то «Техас», откуда он меня проводил до стоянки на въезде и откуда мы уехали на моем «шеви». Машина была в сохранности, разве что завелась с усилием – на улице было под тридцать.

– Это поправим, я тебе подогреватель сделаю, – сказал он.

– Сань, – спросил, помню, я, – а что ты еще можешь сделать?

– А что нужно? – удивился он вопросу.

– Ну... – задумался я. – Например... вот можешь сделать так, чтобы у ружья ложе было все время теплое? Чтобы на таком морозе руки на нем не дубели и варежки в три слоя не требовались?

– Могу, – пожал он плечами. – А кому это надо?

– Мне надо. Тебе надо. Нам надо, – сказал я с полной убежденностью в голосе, после чего спросил уже вкрадчиво: – Расскажи, что еще можешь?

– Да все могу, ты скажи, чего нужно, – как бы даже чуть возмущился Саня.

– Я пока сам не знаю до конца, – признался я честно. – Но если сядем за бутылкой, то истину мы найдем обязательно. Я гарантирую это, копирайт.

И с этих слов началась моя новая жизнь. По крайней мере, я отсчитываю ее именно с этого момента.

Хмель. За неделю до событий

Утро! Я люблю утро!

Я люблю утро, но терпеть не могу просыпаться в гостях и выбираться из постели на час раньше обычного – по той лишь причине, что второй половине пора идти на работу.

За ночь в комнате ощутимо похолодало. Ирина закуталась в теплый халат и убежала умываться. Я натянул брюки и рубаху, подошел к трубе, которая выходила из неаккуратного отверстия в полу и пряталась в пробитом потолке, и приложил к ней ладони. Та оказалась еле теплой – не иначе истопник не удосужился подкинуть угля. Помянув его недобрим словом, я обулся и вышел в коридор. Ирина уже оделась и поправляла перед зеркалом теплое шерстяное платье.

– Даже чаю не попьешь? – улыбнулся я, разглядывая пусть не совсем идеальную, но от этого ничуть не менее привлекательную фигуру подруги.

– На работе попью, – ответила Ирина и пошутила: – Чем врачам на работе еще заниматься, если чай не пить?

– Хорошо вам, – вздохнул я и взял куртку.

Самого меня ждал прием таблеток. Семь разноцветных пилюль, от красной до фиолетовой, с интервалом пятнадцать секунд. Та еще морока, но уж лучше так, чем в Крематорий заехать.

Я помог Ирине надеть шубу, и мы спустились на первый этаж. Жила девушка в пятиэтажной «брежневке» прямо напротив Госпиталя, окна в окна со служебным кабинетом.

– Не переедешь ко мне? – спросил я, шагая через двор.

– Приглашаешь?

– Давно.

– Нет, не перееду.

Я на своем настаивать не стал, только пожал плечами.

– А если баню растоплю, на ночь останешься?

– На ночь? На ночь останусь.

Ирина поцеловала меня в щеку и поспешила к госпиталю; я постоял у ограды, пока она не скрылась в дверях, потом накинул на голову капюшон куртки и зашагал к бару напрямик через заброшенный район. С утра на улице было на редкость морозно, делать крюк до Красного проспекта не хотелось.

В сумерках полуразрушенные двухэтажные дома с пустыми провалами окон и обвалившимися крышами смотрелись еще тревожней, чем при свете дня, поэтому шагал я быстро и на подходе к бару немного даже запыхался. Но согрелся, этого не отнять.

Поднялся на присыпанное снегом крыльцо, отпер дверь и только распахнул ее, как за спиной послышался легкий скрип снега. Обернулся глянуть на раннего посетителя – и ничего. Совсем ничего, только искры из глаз и тьма.

Приложили меня знатно, давно так не попадался...

Любой владелец или работник бара рано или поздно подвергается нападению на рабочем месте, вне зависимости от респектабельности питейного заведения и количества охранников. Теория вероятности – штука безжалостная. Но никто не грабит бар сразу после открытия. В этом нет никакого смысла! Даже конченому наркоману неинтересна пустая касса, если нападают с самого утра – это личное. Так подумал я, когда очнулся.

Потом сообразил, что валяюсь на полу подвала, а грабители и не подумали убраться восвояси. До меня доносились непонятный стук и скрежет, будто они устроили в пивоварне форменный обыск. Так, может, это пожаловала Дружина?

Я с трудом разлепил глаза и осторожно перевалился на бок. По стенам подвала метались отблески электрического фонаря, в их свете две массивные фигуры простукивали фомками стены. На официальный обыск мероприятие нисколько не походило. Что за черт?!

Неожиданно луч фонаря скакнул ко мне и ослепил глаза. Державший его человек резко дернул свободной рукой, блеснул золотом перстень, и сразу – раз! – вновь наступила темнота.

Второй раз очнулся в полной тишине. Звенело в ушах, и только.

Я поднялся на четвереньки и тихонько зашипел от боли. Когда немного пришел в себя, не без труда поднялся на ноги и щелкнул выключателем, зажигая подвешенный под потолком чародейский шар.

От тусклого света заслезились глаза, я несколько раз моргнул, потом огляделся по сторонам и охнул. Кругом царил полнейший разгром: железный ящик для денег был вскрыт, всю мебель сдвинули со своих мест; хуже того – налетчики повалили закрывавший вход в потайную комнату стеллаж, и тот валялся на полу, выбитый из креплений.

Обмирая от дурного предчувствия, я заглянул в лабораторию и не сдержался от ругательства: коробка с медикаментами исчезла! Более того – штампы для монет исчезли тоже!

На банку с неприглядным порошком грабители не обратили никакого внимания, но особого облегчения это не принесло. Мне сделалось дурно, как если бы вновь получил по голове.

– Дядя Слава! – вдруг послышалось откуда-то сверху.

Я в один миг собрался, поднатужился и вернул стеллаж на место. Поспешил к входной двери, намереваясь запереть подвал изнутри, но не успел. Иван Грачев уже спустился вниз и охнул:

– Что за дела?!

– Ерунда, – поморщился я, опускаясь на стул. – Ограбили нас, только и всего. Но все живы и здоровы, а это главное.

– Ни фига подобного! – не согласился с этим утверждением помощник. Он подошел к железному ящику, где хранились оборотные деньги, и выругался: – Да здесь две сотни было!

– Переживем! – Я оттянул рукав куртки посмотреть, сколько времени, но часов на запястье больше не было. Тогда охлопал карманы и обнаружил, что помимо них пропали бумажник и коробок с пилюлями.

– Твари! – выругался я в сердцах. Мало того что запас таблеток был в общей коробке, еще и сегодняшнюю дозу унесли!

– Надо Гамлета звать, – решил Иван. – Он разберется.

– Не надо никого звать, – распорядился я. – Грабителей не найдут, только людей насмешим.

– Этого так оставлять нельзя, – нахмурился Грачев. – Либо вы поговорите с Гамлетом, либо я.

Помощник был настроен серьезно, и как ни хотелось мне избежать скандала, пришлось сдаться.

– Хорошо! Поговорю. Позже.

– Упустим время.

– Мы его уже упустили, – пробурчал я и отправился на выход. – Никому ни слова, понял?

– Как скажете, – нехотя согласился Грачев.

Я поднялся на второй этаж, отпер дверь, снял куртку и без сил повалился на кровать. Отдышался, выщелкнул из блистера пару таблеток банального «цитрамона» и запил их водой, но легче не стало.

Голова просто раскалывалась, но еще сильнее жгла злость и желание отыскать налетчиков, поставить к стенке и расстрелять. Желательно – из крупнокалиберного пулемета. Это от осознания собственного бессилия.

Осознания собственного бессилия – и страха.

Мне было страшно. Грабители унесли таблетки Бородулина, а тот однозначно и недвусмысленно дал понять в самом начале нашего сотрудничества, что его медикаменты не должны всплыть в Форте ни при каких обстоятельствах. К тому же следующую партию он поставит только через две недели, а Платонов столько ждать не станет, и у него неминуемо возникнут неприятные вопросы.

Но и черт с ним, выкручусь. В этой схеме я незаменим. А вот с серебром все держалось исключительно на штампах. Без них Платону просто нет смысла продолжать наше сотрудничество. Больше того – у него вполне может появиться желание избавиться от меня раз и навсегда. Если кто-то из грабителей сложит наличие в одном месте штампов для монет, пресса и химических реагентов – мне не поздоровится. Не сдадут серьезным игрокам, так начнут крутить жилы самостоятельно. А уж если возникнет подозрение, откуда именно я получаю серебро...

Меня передернуло. Голова разболелась пуще прежнего, словно и не пил «цитрамона».

Мелькнула мысль, что грабителей мог навести сам Платон, но сейчас об этом не хотелось даже думать. И без того тошно.

Штампы и таблетки следовало вернуть. Я понимал это со всей отчетливостью, но представления не имел, каким образом стоит действовать. Попрошу о помощи Гамлета – он запросто усядется мне на шею и ножки свесит. Займусь розысками самостоятельно – только впустую убью время.

И что предпринять?

Я не знал. Так и заснул, не придя ни к какому решению.

Разбудил Иван. Он постучал в дверь и крикнул, что ко мне пришли.

Морщась от головной боли, я поднялся с кровати и спустился в бар. Внизу ждал Лымарь.

– Привет, Семен, – протянул я руку. – Выпьешь?

– Светлого.

Я помпой накачал в бокал пива, передал его охраннику Бородулина, и мы уселись за свободный стол.

– Список готов? – спросил Семен, сделав несколько глотков. В город он ружье брать не стал, но из-за голенища собачьих унт торчала длинная рукоять ножа, а в чехле на поясе болтался немалых размеров тесак.

– Продублируйте старый, – попросил я и поинтересовался: – Когда сделать сможете?

Лымарь с удивлением посмотрел на меня и ожидаемо заявил:

– Как обычно!

– Раньше никак?

– Нужный человек только через две недели на нашей проходной будет. Без него таблеток не вынести.

– Плохо.

– А что такое?

– Крупная сделка наклеывается, – соврал я. – Раньше точно не сделаете?

– Без вариантов.

– Ладно, забудь! – со всей возможной непринужденностью махнул я рукой и поднялся из-за стола.

– Вячеслав Владимирович! – тут же позвонил меня помощник и понизил голос: – Мне позвонить Гамлету?

– Не надо, – поморщился я. – Схожу, проветрюсь.

Я поднялся в квартиру за курткой, а когда вернулся в бар, Лымарь уже ушел.

– Чего он хотел? – любопытствовал Иван.

– Свинина со следующего месяца подорожает, – просто ответил я.

– А! – протянул помощник. – Он с Лукова, что ли?

– Ну да.

На ходу застегивая куртку, я вышел на улицу, внимательно огляделся по сторонам – поистине на воду дуть начинаешь! – и накинул капюшон. Дорожку до тротуара стоило бы почистить от снега, но сейчас на это отвлекаться не стал, прошел мимо закрытого оружейного магазина «Большая Охота» и двинулся напрямик к Красному проспекту.

Нужное мне увеселительное заведение «Ширли-Муры» располагалось на первом этаже дома на той стороне Красного проспекта. Витрины тонированного стекла нахально выделялись на фоне обшарпанных стен соседних зданий, а изнутри тамбур-прихожая и вовсе была отделана зеркальными панелями, только зашел – и всюду замелькали отражения моей физиономии, осунувшейся и бледной.

Не дожидаясь просьбы мордастого охранника, я выложил в свободную ячейку нож, связку ключей, фонарик и телескопическую дубинку, позволил провести вдоль себя сканером и, прихватив ключ-бирку, прошел в бар.

Аляповатым заведение выглядело не только снаружи: внутри единого стиля не наблюдалось в принципе. Разномастная мебель, позолота и бархат категорически не сочетались друг с другом, но местных завсегдатаев все устраивало, а кто я такой, чтобы критиковать вкусы своих деловых партнеров? К тому же излишним пафосом они не грешили, а все остальное компенсировалось хорошей кухней и не менее хорошим пивом. Моим, разумеется.

Я подошел к стойке бара и улыбнулся невысокой худенькой шатенке:

– Привет, Мила!

Несколько лет назад нас познакомил один из завсегдатаев моего бара, и в «Ширли-Муры» девушку взяли по моей протекции. Но у нас ничего не было, просто помог хорошему человеку. А последнее время она и вовсе встречалась с Николаем Гордеевым.

– Привет, Слава! – отозвалась Мила. – Ты позавтракать или по делу?

– По делу, – вздохнул я. – Гамлет у себя?

Разговаривать по поводу нападения следовало именно с Гамлетом. Денис Селин больше занимался хозяйством, а вторую пару совладельцев заведения – Филиппа Городовского и Бориса Ярового – я знал плохо и старался держаться от них подальше.

Мила на миг задумалась, потом кивнула:

– Да, он подошел уже.

– Вот и отлично, – выдавил я из себя беспечную улыбку, сдал куртку в гардероб и зашагал через пустой зал.

Я еще застал времена, когда важные переговоры проводились в небольшой кладовке, но с тех пор много воды утекло, бар прирос вторым этажом, и теперь над сценой нависал застекленный кабинет. Туда и двинулся.

Поднялся по лестнице и вопросительно глянул на сидевшего за столом охранника. Тот кивнул:

– Ждут.

Я распахнул дверь и прошел в кабинет с парой мягких диванчиков, стеклянным столиком и заставленным привозным алкоголем баром. Единственное панорамное окно выходило в зал, на стенах висели работы безымянных мазил-абстракционистов.

При моем появлении худощавый кавказец в дорогом костюме и черной водолазке – Гамлет по паспорту, Датчанин для хороших знакомых и Принц для крайне ограниченного круга старых друзей – всплеснул руками и, не скрывая удивления, протянул:

– Господин Хмелев! Какими судьбами?

– Да так, – хмыкнул я, – решил вот зайти.

Гамлет присмотрелся ко мне и вдруг прищелкнул пальцами, затем отвел руку в другую сторону и щелкнул еще раз.

– Опа! – удивился он, на этот раз совершенно искренне. – Дорогой, да у вас сотрясение головного мозга!

– Не исключено, – поморщился я.

– Присаживайся, – предложил тогда Датчанин и подошел к бару. – Выпьешь?

Я медленно опустился на мягкий диван, вытянул ноги и отказался:

– Воздержусь.

Гамлет плеснул себе минералки и уселся напротив.

– Так что случилось? – спросил он.

– Ограбление.

– В баре?

– В баре.

– А пивоварня?

Я усмехнулся:

– Не пострадала.

Гамлет заметно расслабился, отпил воды и поинтересовался:

– Чего ты хочешь от нас?

Хотел я многого, но чего не собирался делать – так это влезать в долги, которые погасит лишь ответная услуга.

Поэтому ответил просто:

– Ничего.

Датчанин потер крупный нос и не удержался от ехидного смешка.

– Тогда зачем пришел?

– Иван настоял, – объяснил я.

– И правильно сделал, – поддержал моего помощника кавказец. – Угрозы были?

– Нет.

– Предупреждения?

– Ничего.

– Что забрали?

– Пару сотен и часы.

– Твою «Омегу»? – продемонстрировал Гамлет изрядную наблюдательность.

Я кивнул.

– Именно. Вырубили с расстояния «Щелчком», как только отпер бар, обыскали, выгребли наличность и ушли.

– Не знаешь, сколько их было?

– Видел троих, – спокойно ответил я и вздохнул: – Очнулся не вовремя, теперь голова раскалывается.

– Сходи к врачу, – посоветовал Датчанин.

– Разберусь, – поморщился я и поднялся на ноги.

– Значит, так, – вслед за мной встал с дивана Гамлет. – Часы у тебя приметные, насчет часов мы спрашиваем. Если будут угрозы – звони сразу, не тяни.

– Непременно, – пообещал я совершенно искренне.

– Опознать их сможешь?

Я задумался, припоминая мельком виденные в неровном свете фигуры, потом кивнул:
– Смогу. Но не по фотографиям, надо будет вживую смотреть.
– Вживую? – рассмеялся Гамлет и хлопнул меня по плечу. – Вживую – не гарантирую!
– Да и черт с ними, – махнул я рукой. – Еще мои таблетки уперли, если что – имейте в виду. Только без ссылок на меня. Не надо кипеша, это репутации вредит.
– Таблетки разноцветные которые?
– Ну да.
– Учтем.
– Благодарю.

Мы распрощались; я спустился на первый этаж, взял куртку, рассовал по карманам оставленные в ячейке вещи и вышел на улицу.

Небо нависало низкими облаками, из труб на крышах домов вырывались и почти сразу рассеивались клубы дыма. Было морозно.

И нервно. Я пропустил ежедневный прием лекарств, и это обстоятельство несколько не радовало. А перспектива прожить в таком режиме две следующие недели если и не вгоняла в депрессию, то уверенности в будущем несколько не прибавляла.

Проклятье, как же это все не вовремя!

Не вовремя – да, но рвать на голове волосы я не стал, в сердцах сплюнул под ноги и отправился чистить снег.

Ничего другого мне сейчас просто не оставалось.

Коля Клондайк. Незадолго до событий

Пятница. День

Карбидная головка гравера описала последний полукруг, замыкая окружность пентаграммы на большой пуле, зажатой во вращающемся зажиме. Есть, еще одна готова, можно отставлять.

Пентаграмма, кто бы что про нее ни думал, – это не символ зла, а как раз наоборот, символ его сдерживания. Демонов вызывали внутри пентаграмм и от них же в пентаграммах прятались. Если пуля с пентаграммой... настоящей пентаграммой, то есть нанесенной руками, а не штампом, под которой спрятан крошечный кристаллик хрусталя с магической энергией, попадет в любую нечисть, от вампира до порождения Стужи или Тьмы, – она может эту тварь если не совсем остановить, то сильно задержать, замедлить.

Пока пуля не готова, я лишь вырезал «дремелем» на ней пентаграмму и просверлил маленькое отверстие. На дно отверстия я капнул чуть-чуть силикона, для амортизации. Затем целый поддончик таких пуль возьмет мой партнер по бизнесу Саня и в каждую пинцетом вложит кристалл с зарядом, а затем с помощью каких-то своих амулетов соединит заряд с пентаграммой. И после этого за пулю опять возьмусь я, запечатав отверстие.

Потом я установлю в зарядный станок гильзу, в чуть расширенное ее дульце воткну вот эту самую пулю – и в результате получу патрон калибра 45–70 с коммерческим названием «тормоз», после чего пуля окажется на прилавке для продажи. Стоить она будет дорого, но у меня все дорого, дешевого нет ничего. Патроны с пулями на любую тварь и нечисть – от обычных серебряных на оборотня, с руной «каун» для усиления действия, до пуль с руной «науд», которые буквально выедают плоть вокруг раны, и даже твари с очень быстрой регенерацией не могут восстановиться сразу, если такая пуля войдет в тело. Как, например, мгновенно восстановить почти исчезнувшее легкое или часть позвоночника? Полость получается эдак в пару литров, если пуля «топ-качества», ну или с хороший стакан, если это просто «бюджетный вариант», то есть без кристалла, а исключительно с заряженной руной. Я их называю «пустышками», чтобы как-то называть, ничего лучше не придумал. Хлоп в тело – и пустота вокруг.

Есть у меня пули специально на вампира, с осиновым стабилизатором и пентаграммой в свинцовой головке, есть горящая дробь, причем такая, которая горит в ране, не давая регенерировать ткани. Пуля с рунами «эйваз» и «беркана» обманывает амулет, показывая, что она в два раза тяжелее, чем есть на самом деле. Есть пули, которых я не выставляю на прилавок, то есть такие, что пробивают любые защитные амулеты. Пуля с частичкой так называемого железного корня внутри и сочетанием трех рун в странном узоре при попадании в поле защиты всасывает его в себя, как в конденсатор, заряд мгновенно переполняет его емкость, и пуля взрывается, выбивая поле и ранив носителя амулета. На такие пули власть смотрит кисло и без вдохновения, но запретить их нельзя, потому что проконтролировать запрет все равно невозможно. Просто надо вести журнал регистрации продаж, и только.

Отставив пулю в поддончик и заполнив в нем последнюю ячейку, я выключил инструмент, поднялся со стула и потянулся, пытаясь размять затекшую спину. Взял поддон и отнес его в «Санин угол», убрав в металлический шкаф, – мы с чародеем делили подвал очень условно, но в принципе сидели в противоположных углах. Сейчас я был в подвале один.

Подвал старый, сводчатый, хоть нами и отделан начисто – белая штукатурка, пол деревянный, чтобы ноги не мерзли. Окон в нем нет, но они и без надобности, смотреть на улице все равно не на что. У одной стены два старых массивных сейфа, у противоположной металлические шкафы в рядок, все с замками. В общем, я в этом подвале большую часть рабочего дня и провожу.

Сверху, в магазине, зазвенел звонок. Может, и покупатель, но вообще мне кое-что завезти должны. Убедившись, что ничего важного и опасного без присмотра не оставил, я неторопливо поднялся по ступенькам наверх, в торговый зал, в котором сейчас никого не было. Покупателей у меня в магазине немного – все дорого, и не на самом оживленном месте мы находимся, но товар такой, что если кому нужен – он место найдет и сам приедет. Магазин «Большая Охота» – место с определенной репутацией, просто для шопинга в него никто не заглянет.

Прилавок из темного дерева под викторианскую классику, такая же застекленная ружейная пирамида за спиной. Полки с патронами в деревянных выдвижных ящичках, немного разных ножей, взятых на реализацию, кобуры, ремни и оружейные чехлы из добротной кожи, какие заказываю на стороне, отдельный прилавок Сани со всякими чародейскими артефактами. Он их тоже в нашем подвальчике делает.

Тут уже свет есть, идет с улицы через маленькие зарешеченные окошки, но от него как-то даже холоднее становится, хотя здесь тоже вполне тепло, угля на отопление мы не жалеем. Просто свет с улицы, а улица как-то автоматически рифмуется с морозом, такие вот здесь все больше ассоциации. Кстати, света уже мало, темнеет, так что еще хуже.

У кассы экранчик домофона черно-белый. Глянул – ну да, Вайсер приехал, его и жду. Пошел к двери, отодвинул тяжелый засов, запустил в магазин облако холода.

– Давай, Игорь, заходи.

– Держи. – Вайсер сразу передал мне в руки довольно большую картонную коробку и добавил: – Сейчас остальное притащу.

Рядом с дверью, частично заехав на заснеженный тротуар, дымила трубой обшарпанная «газель» с распахнутыми задними дверцами. Водитель сидел за рулем, пыхтя сигаретой. Не помню даже, как его зовут, хотя Вайсер постоянно его нанимает для развоза заказов.

Подцепив дверь крючком, чтобы не закрывалась, я отнес коробку к прилавку, заглянул внутрь – все правильно, щечки для револьверных рукояток, цевья для помповиков. Приклады и ложа, значит, сейчас принесет.

Точно, через минуту он ввалился в магазин с куда большим ящиком, с трудом дотащив его до прилавка.

– Все здесь! – объявил он радостно.

– Сейчас, двери закрою, – кивнул я.

Тепло дороже денег, нечего его выпускать.

Игорь Вайсер столяр и плотник, почти гений в работе с деревом. Все эти полки со столами и прилавками как раз он и сделал. И сейчас он выкладывает на прилавок винтовочные ложа, приклады для дробовиков и все прочее.

– По списку? – уточнил я.

– Да, все как заказал. – Игорь взялся вынимать накладки на цевья из второй коробки. – Следующий список сделал?

– Обязательно. Сейчас чек выпишу.

Принимать товар особо внимательно не нужно, Вайсер на совесть работает. Если что-то не встанет – он переделает или подправит, но так редко бывает. Цена заранее согласована, задаток он получил, теперь за мной остаток. И задаток под следующую партию.

– Смотри список, – придвинул я к нему лист. – Вопросы по нему есть?

– Нового ничего? – Игорь даже не заглянул в бумагу.

– Все как обычно, – пожал я плечами. – Тридцать процентов задатка я тогда в один чек с оплатой, годится?

Мало ли что там у него с налогами, иногда берет вместе, а иногда просит два чека отдельно.

– Давай, нормально. Доска и брус у меня пока есть, никаких проблем.

Из ящика под кассой я выудил чековую книжку с логотипом «Центрального городского», ручкой вписал сумму, поставил роспись, потом приложил большой палец к тускло засветившемуся кружку из фольги – все, теперь не подделаешь. Вбросил продолговатый листочек чека в конверт с эмблемой магазина и протянул Игорю – тоже часть имиджа. У нас все солидно и штучно, фирма веников не вяжет.

– Отлично, – Вайсер протянул руку. – Поскакал дальше, мне еще полки и столик заказчику завозить.

– Давай, удачи.

Выпустив его на улицу, вновь задвинул тяжелый засов на двери, поежился от холода. Флисовый свитер все равно пропустил волну мороза к телу.

Так, теперь все вниз стащить надо, а завтра браться за эту работу. Игорь делает только самую деревяшку. Идеально подгоняя, с идеальным же качеством, но этого мало. Я же не просто так сдираю с оружия резиновые рукоятки и полимерные приклады, да и деревянные тоже. Все, что он привез, сделано из странного синеватого дерева – северной лиственницы. Местной северной лиственницы, она тут совсем другая. Тяжеловата, пожалуй, но она мало того что совсем не гниет, так еще и идеальный магический изолятор. Построй дом из такой – и тебе совсем не нужна никакая дополнительная защита за пределами городских стен. Проблема только в том, что растет эта лиственница за границей с Севером, то есть добывать ее сложно, муторно и опасно.

А вот если сделать из нее нечто, а в это нечто врезать, например, все те же латунные руны, а к рунам Саня-чародей подведет энергию от спрятанного внутри приклада кристалла, то винтовочное ложе или револьверная рукоятка обретут совсем новые качества. Например, будут всегда теплыми. Или начнут опознавать ауру владельца. Ну пока заряд в кристалле еще есть, но держится он долго. Оружие с такими прикладами и рукоятками стоит дорого, но... берут же. Не залеживается.

Кстати, насчет «не залеживается»... Спустился вниз, попутно прихватив одну из коробок, что Вайсер привез, открыл шкаф, который слева, вытащил оттуда две коробки из синего пластика с силуэтом красного феникса. Выложил на верстак обе, открыл – это чтобы не перепутать ничего, а то неловко получится.

Два револьвера, оба «ругер», то есть «топ-линия» моего товара. Большой «Супер Рэдхоук», у которого я укоротил ствол с семи с половиной до пяти дюймов, под зверский калибр .454 casull, и просто «рэдхоук» под «сорок пять кольт», с четырехдюймовым стволом. На обоих револьверах рукоятки из северной лиственницы с рунами, и еще витиеватое сочетание символов выгравировано на рамке. Это последнее ноу-хау Сани – как вливать энергию в символы, просто нанесенные на поверхность металла. Эти револьверы невозможно заблокировать никаким заклинанием против огнестрельного оружия.

Затем коробка поменьше, в ней двухствольный «дерринджер» от «Бонд Армз». Двухкалиберный, так сказать, можно револьверным «сорок пять кольт» из него стрелять, а можно и длинным гладким «четырееста десятым». Эти архаичные пистолеты оказались популярны после того, как я их предложил на рынок, – половина охотников и тех, кто много времени проводит за стенами Форта, пожелали их иметь как последний шанс, заряжая патроном для дробовика, обычно с серебром. От оборотня и волколака, все верно.

Еще револьвер, «Таурис Джадж», «судья», если в переводе, – неуклюжий, с коротким стволом и длинным барабаном – тоже под сорок пятый и четырееста десятый. Экзотика голимая, но многие на него наводятся, считая, будто стрельба картечью поможет компенсировать неумение прицелиться. Бред вообще-то, но берут.

И это все мне сегодня надо будет отдать, это заказ. Обычно я заказы сам не вожу, тоже часть образа, но на этот раз обратился ко мне другой оружейный, так что можно принципами поступиться из цеховой солидарности. Сегодня я им помогу, завтра они мне... может быть.

Кстати, у меня самого на поясе такой же «рэдхоук», какой везу, но у него я ствол подрезал уже до трех дюймов, и с ним я не расстаюсь практически никогда, разве что в ванной. Раз довелось проверить в деле – никто не жаловался. С моей стороны все прошло как и предполагалось, а с противоположной жаловаться было уже некому. Хотя грабители и разорились на амулеты «Щит Веры» – помогло им не сильно, потому что моя пуля-«обманка» даже без кристаллика вышибает подобный с одного выстрела. Второй уже идет в тело.

Обвинений мне не предъявляли, потому как две известные Дружине криминальные личности были убиты прямо в магазине, при этом у одного был обрез, а у второго «дырокол», так что вопросов не возникло. Вопросы возникли у меня самого чуть позже, когда я навел справки об убитых и выяснил, что они обычно работали на Семеру – местную ОПГ, которая зарабатывала на жизнь крышеванием. Странно в этом было то, что бизнес у меня идеально законный и легальный, с уплатой всех налогов и податей, а над таким крышу не построишь – та же Дружина от подобных подач впадет в нервное состояние, и последствия будут для крышевателей нехорошие. Да и обычно принято сначала предложения всякие выдвигать, но на меня никто не выходил.

Все же просто грабеж? Ну возможно. Хотя с тем же успехом может быть и заказуха. Но от кого? Дело в том, что я вообще никому не конкурент. Я не работаю с оружейным ширпотребом, не торгую военным оружием, не занимаю ничьей ниши в рынке, у меня сугубо свой сектор и свои покупатели. У меня очень дорого, штучно и престижно. Сильные мира сего берут мои стволы, чтобы погордиться, еще берут профессиональные охотники на нечисть и гадость, ну и кое-кто еще, кто понимает, зачем такое оружие с такими патронами. Все. Немного Патруль, немного Дружина, только специалистам. То есть те же оружейные магазины на Южном бульваре могут чувствовать себя в полной безопасности.

Ну да, может, и грабеж.

Так, ладно, надо заказ отдать заказчику, и на сегодня можно закрываться. Номер телефона на дверях написан, если что нужно – звоните и договаривайтесь. Саня по своим делам сегодня утопал, до завтра, у него дама на сегодня запланирована, так что подменять меня некому.

Еще там табличка висит, где красным по белому написано: «С телохранителями вход воспрещен. Покупатели с охраной не обслуживаются». Как я уже говорил, место в ранних девяностых застряло, здесь многие местные «олигархи» любят нанимать телохранителей только для того, чтобы можно было хамить окружающим без опаски. Или давить на продавца. Так что вот так.

Запечатал перстнем замок на оружейном шкафу, затем, выходя из подвала, активировал защиту. В дверях опустилась и сразу исчезла искрящаяся пелена. Теперь без такого вот перстня сюда лучше никому не соваться, а сам перстень с меня не снимешь – не сработает. Тоже понятно, чья работа. У меня на него все сигналки завязаны, от дома до машины.

Теперь мимо магазина, на этаж выше. Домой. Наверху лестницы две двери, моя – та, что слева. Все тем же перстнем отпер, зашел в квартиру.

Просторной ее не назовешь, это скорее студия: все в одной комнате – и кухня, и спальня, и гостиная, разве что тесный санузел отдельно. Но мне нормально, топить проще и убирать легче. И здесь тепло, как и везде в доме.

Когда-то, еще в девятнадцатом веке, в этом на диво капитальном здании из красного кирпича была контора фабрики, принадлежавшей местному промышленнику Крестовоздвиженскому. Затем, намного позже, фабрику снесли, а вот контора осталась где стояла. Одно время в ней квартировали собес и районо, а после провала этого северного города в тутошные бубеня здесь разместилась штаб-квартира одной из самых беспредельных бандитских группировок начального периода. Представляли они себя как «Страховая компания «Спартак», но по факту группировка была действительно совсем беспредельной, и как часто с такими беспредельщиками бывает – сильно переоценила свои силы. И довольно скоро была стерта с лица земли объединенными силами только возникших Дружины и Патруля. Дружина ударила в городе, а патрульные гонялись за бандитами за его стенами. Мало кто уцелел из той братвы, да и все уцелевшие в бега подались.

Здание же было конфисковано и отошло Патрулю, командование которого сначала хотело организовать здесь свой штаб, но по каким-то неведомым причинам от этой идеи в итоге отказалось. Потом сюда вывели некую «роту дальней разведки», но что-то пошло не так, роту расформировали, и особняк опять опустел. Оно так и оставалось на балансе у этой почтенной организации, затем одно время тут сидела тыловая структура, которая просто сдавала часть здания налево, в результате чего начальник структуры загремел в штрафной отряд, а здание вновь оказалось пустым.

Затем Патруль, а если точнее, то заместитель его командира по фамилии Гельман, который заодно выполнял обязанности зампотылу, вышел на пивовара Хмеля, и как-то так получилось, что этот самый Вячеслав Хмелев вложил свои денежки именно в этот особняк, к обоюдной выгоде всех участников сделки. К тому времени краснокирпичный дом промышленника Крестовоздвиженского был поделен на две почти равные половины с разными подъездами, и на вторую половину Хмель не претендовал. И поскольку Слава Хмелев дружил с Платоном, а Платон дружил со мной и знал, что я с Саней-чародеем ищу место под мастерскую и магазин, мы с Хмелем оказались поначалу соседями, а позднее и приятелями.

Единственным минусом в соседстве с пивоваром был запах, время от времени до нас доходивший. Все остальное было плюсами. Здание делилось пополам естественным путем, то есть аркой, и на эту арку наложил лапу я, превратив ее в гараж для двух машин. Навесил ворота с обеих сторон, замостил смешанную с гравием землю кирпичом и держал там свой транспорт. Хмель не протестовал, потому что с его стороны к дому прижимался старинный каретный сарай, и свою машину – УАЗ-«буханку» – он хранил там.

Еще у здания был небольшой двор сзади, обнесенный высоким кирпичным забором с единственными воротами, и там мы с Хмелем на паях выстроили добротную русскую

баню, которой пользовались сами и в которой гостей принимали. Ну и в довершение всего надо учитывать, что хорошее пиво я люблю, а Хмель варил хорошее.

Затем Хмель чуть расширил бизнес и организовал на первом этаже маленький паб. Даже без всякой вывески, получив на него лицензию как на «частный клуб». Было там недорого, Слава цен не ломил, а пускали туда все больше своих, кроме пива могли и чего-то еще налить, но спрашивали это «что-то еще» редко, сюда именно что на пиво шли. Заправлял всем Ваня Грачев, молодой мужик калибром примерно с депутата Валуева, в свое время отдавший сколько-то там лет увлечению борьбой и мордобоем, отчего имел расплюснутые борцовские уши и настоящий боксерский нос. К тому же левое ухо ему кто-то порезать успел, срослось оно не очень ровно.

Как обычно и бывает с людьми очень большими и очень сильными, Ваня был добродушен и ко всем доброжелателен, но все же этими качествами его злоупотреблять не следовало, всему есть предел, даже Ваниному терпению. Но поскольку паб был именно что клубом, то есть для своих, никто и не злоупотреблял. То есть соседство у меня было тихим и спокойным.

В общем, примерно так выглядит история того самого места, в котором я осел окончательно.

А пока я просто сменил свой флисовый свитер на толстый вязаный, на который надел кобуру с «рэдхоуком», так что она повисла на животе чуть наискосок, затем волчью шубу. По-другому в такой мороз никак не вооружиться, тогда ствол надо или в открытую таскать, что не положено, или будешь в случае опасности добираться до него долго и старательно, так что он тебе, скорее всего, уже и не понадобится. А так вот единственный способ достать оружие более или менее быстро.

Перчатки вроде и не толстые, но теплые – тоже чародейская работа, там проволока и постоянный подогрев идет от кристаллика, упрятанного в застёжке. Опять же наш товар, расходуется хорошо. Сами перчатки аж в Северореченске заказываем, нашли там хорошего мастера, а Саня здесь последние штрихи, так сказать, вносит. Для стрелка тонкие перчатки, в которых при этом руки не мерзнут, – в этом климате подарок небес, иначе не скажешь.

Правда, монополии с ними уже не получается: подобные делали в Форте и другие люди. Качество самих перчаток чуть хуже, но у них и дешевле. С патентным правом здесь все же не очень. Исключительность моей торговли держится на том, что есть у меня Платон, что ходит отсюда на Аляску, а там есть честный и простодушный Дюпре, которого вполне удовлетворило мое письмо о передаче моей доли ему в управление и который через Платона шлет сюда то, что я прошу. И вот всех этих стволов и прочего больше ни у кого нет, да и не предвидится.

Ладно, опять отвлекся. Закинул коробки с револьверами и патронами в сумку, спустился на первый этаж, через заднюю дверь во дворик вышел, активировав за собой защиту. Калитка в зеленых железных воротах запустила меня в гараж, в котором пахло свеженарубленными дровами для бани, загоревшаяся под сводом бывшей арки лампочка высветила две машины – пикап «шеви» с короткой кабиной и длинный, такой же старый, как и пикап, «сабербен», на котором я людей на охоту вожу. Ну и дрова эти самые, выложенные поленницей вдоль стены.

Отпер вторые ворота, те, что на улицу ведут, завел пикап, в очередной раз подивившись тому, что в такой холод движок схватывает мгновенно. Но такой магический подогрев тут почти на всех машинах стоит, иначе никак. «Шеви» тронулся с места, вскарабкался по наклонной бетонной приступочке на толстый слой снега перед воротами – в гараж не наметало, а там чистили так себе. Вывернул на улицу, остановился, чтобы ворота за собой закрыть, отметил, что поодаль по этой самой улице стоит машина с выключенными фарами, но заведенным движком. То есть в ней кто-то сидит, зря жечь дорогой бензин никто не станет.

Интересно. Я, пожалуй, сейчас крюк сделаю, присмотрюсь.

Сделав вид, что все в порядке, я опустил створку ворот, запер замок, опять же с защитой, влез в кабину своего грузовичка. Поехали.

Хоть мне надо было направо, свернул налево, к стоящей машине. Едва свет моих фар скользнул по ней, я уже опознал, кто это мог быть. Потому что машина была «сабербеном», а практически все «сабербены» в городе купил Дюпре на Аляске и передал Платону. А я их встретил. Поскольку новых машин сюда никто не тащил, слишком быстро они ломались на отвратном бензине, да и чинить их было некому, самыми «пацанскими» стали как раз эти большие американские внедорожники, которые мы здесь, не стесняясь, отдавали по три цены. Всего их было в городе семь штук, один из них у меня, на втором ездили ребята, державшие клуб «Ширли-Муры», им «для имиджа надо», как они объяснили, еще два принадлежали торговым людям, с которыми я имел дело, а все остальные, по слухам, ушли Семере, так что это мог быть только один из них.

За стеклом я никого не увидел, но лишь потому, что сидевшие явно залегли, стараясь не попасться на глаза. Они даже двигатель заглушили, только вот пар, недавно валивший из выхлопной трубы и низко тянувшийся над заледенелой дорогой, пока еще не развеялся.

Показать им, что цирк закончен?

Нет, не буду, сделаю вид, что купился. Если следом поедут, то я их сразу вскрою: машин в Форте не так много, чтобы следить, скрываясь в потоке, а если здесь останутся... ну, там видно будет.

Не поехали. Я в зеркало заднего вида разглядел, как в машине поднялись две головы – на фоне фонаря над пабом их салон с такого ракурса просматривался насквозь. В общем, как правильно наблюдение вести, братва имеет представление весьма отдаленное.

Я же доехал до Кривой, там свернул направо, пропустив сине-белый уазик дружинников, медленно кативший по улице, затем обогнал его, потому как дружинники откровенно никуда не торопились, и в конце квартала еще свернул направо, возвращаясь на маршрут. Вообще-то мне на Южный бульвар, то есть через весь город практически.

Фонари местами горели. Сначала высветило стоянку перед зданием центрального участка Дружины, затем через открытые ворота увидел двор городского Арсенала, где в рядок стояло с пяток «маталыг», которые умудрились затащить «сверху», получив, со слов моего приятеля Атаманова, со складов длительного хранения: российская армия избавлялась от старья. А здесь их опять приставили к делу. Какая-никакая, а броня, к тому же с МТ-ЛБ мало что по проходимости сравниться может. Кстати, в частях, что располагались на севере, МТ-ЛБ были вместо бронетранспортеров и БМП – проходимость у них как раз по снегу и болотам очень хороша.

За зданием Гимназии свернул на проспект Терешковой, шедший через весь город. На нем оказалось довольно оживленно – и сани, и машины туда-сюда. По Терешковой как раз связь между промзоной и магазинным районом на Южном бульваре, так что товара возят много. Пусть Форт вовсе не тот город, что был до провала в эту действительность, но и не такой уж маленький, тут больше семидесяти тысяч народу живет, так что жизнь, можно сказать, кипит.

Вот под это кипение дороги бы научились как-то получше чистить, а то раскатали в ледяные колеи, по которым машина, несмотря на шипы, как санки едет. Хотя... вот из детства помню, что не было в моем родном городе чистых до асфальта дорог. Везде был именно что снег разной степени укатанности. И машин на улицах ездило примерно столько, сколько сейчас в Форте. Правда, у нас там еще и трамваи бегали, добавляли оживленности.

Почти у самого поворота на Южный бульвар чуть не сбил пьяного, неожиданно соскользнувшего с тротуара на дорогу, но все же увернулся, успев заметить совершенно остекленелые глаза, – не уверен даже, что он вообще заметил мою машину. Бухают тут все-

рьез – и от бывшего депрессивного северного городка традиция осталась, и жизнь больно унылая и скудная, чего скрывать. Поэтому пьют и в сугробах замерзают, дерутся и режут друг друга по пьяни, так что убыль населения тут тоже немалая. И криминала выше башки, тоже почти что традиция уже. Утонул городок в начале девяностых и так и не вынырнет никак. Тут даже власти единой толком-то нет, все группировки и баланс их интересов.

Южный бульвар – это местные Елисейские Поля или Пятая Авеню. Тут все самое дорогое и самое престижное. Кабаки, магазины, гостиницы. Если не хочешь жить в коттедже где-то в Полянах, то можешь купить себе квартиру прямо здесь, в панельке, над каким-нибудь магазином. Понятно, что от престижности места панелька в манхэттенский кондо не превратится, но строители все же доведут ее до ума, а в подъезде будет сидеть охранник. И сам подъезд будет чист и покрашен. Все познается в сравнении, в том числе и понятие «роскошь».

Возле оружейного «Тоledo», расположившегося в конце торговой улицы, стояло несколько машин. Две я знал: белый «эксплорер» – это хозяина магазина, наш с Платоном товар в недавнем времени, мы же Антону и продали, защитного цвета УАЗ «Хантер» – это охранной конторы, присматривающей за всем Южным бульваром, вон у них и эмблема на двери – шестеренка в щите. Заинтересовали два почти одинаковых «крузака» с правыми рулями, стоявшие бампер в бампер. Не мое, понятно, такие машины обычно через Северореченск проваливаются, из Сибири больше, и стоят они тут дорого. То есть кто-то не просто серьезный, но еще и с охраной пожаловал. Движки в машинах работают, и водителей внутри вижу. И какая-то компания парней курит у крыльца магазина, невзирая на мороз.

Я припарковался самым первым в ряду машин, подцепил сумку с пола и направился к застекленной витрине магазина. Охранник – крепкий парень с бритой башкой, одетый в костюм с галстуком, – запустил меня внутрь, не задавая никаких вопросов: и в лицо знал, и ждал, наверное.

– Хозяин у себя? – спросил я у продавца, молодого парня в таком же костюме и в красном галстуке.

– Да, в кабинете, проходите. – Парень улыбнулся и даже проводил меня метров пять до нужной двери, не забыв постучать.

Кабинет хозяина «Тоledo» немного удивлял размером, но Антон Павленко, хозяин магазина, использовал его еще и как дополнительный демонстрационный зал, и место для приема особо важных покупателей, так что все логично. Вокруг низкого кофейного столика на широких диванах расположились три человека, из которых мне навстречу поднялся лишь Антон – невысокий, кругловатый, с редующими волосами, в тонком свитере под твидовым пиджаком. Ладонь у него была мягкой, а еще он когда-то сказал, что никогда в жизни ни из чего не стрелял, чем, помню, поразил до глубины души.

– Антон, – улыбнулся я, расстегивая шубу. – Как она, жизнь-то?

– Нормально, Коль, не жалуясь, – так же разулыбался он, затем повернулся к так и сидевшим гостям: – Это Николай, хозяин «Большой Охоты», – отрекомендовал он меня. – Коль, это Артем Александрович, – он показал на крупного, скорее даже по-борцовски грузного мужика с неприятно одутловатым лицом и аляповатым «ролексом» на волосатом запястье, а затем представил второго: – И Роман Романович.

Второй был годам к сорока, худощав, одет в нечто полувоенное и производил куда более приятное впечатление, чем «Артем Александрович». Но вообще Антоша охренел в атаке малость. «Это Колька, а это Артем Александрович с Роман Романычем».

Роман Романович, впрочем, впечатление немного исправил – поднялся с дивана, протянул руку, сказал:

– Просто Роман. Приятно познакомиться.

Артем Александрович подниматься и руки трясти не стал, да еще и смотрел на меня как царь на жида. Но по совокупности характеристик, включая две «тойоты» на улице, я его опознал – Тема Жилин, главный охотник Форта, если можно так выразиться.

Хоть я тут без году неделя, но знаю о нем достаточно много, хотя бы потому что, так или иначе, наши сферы жизнедеятельности с Темой пересекаются. Начинал Тема как охотник, и даже неплохой, и достаточно быстро перевел охоту в выгодное коммерческое предприятие, то есть начал ловить и стрелять всякую нечисть и прочих тварей, органы которых с радостью покупали у него маги, чародеи и алхимики. Потом Тема по слухам выяснил, что за охоту на людей тоже платят, и его охотничье предприятие быстро начало перекалываться в одну из ОПГ Форта. Совсем на ту сторону закона Тема не шагнул, а задержался где-то на самой границе. Ну и имел репутацию человека, с которым лучше не связываться. По разным причинам.

А вот Роман мне знаком не был, не встречались раньше. Пусть город и небольшой, но я тут чуть больше года всего и живу довольно замкнуто, так что круг знакомых пока не сильно широкий.

– Коль, чайку? – осведомился Антон. – Кофе?

– Чайку с удовольствием.

Сняв шубу, разместил ее на вешалке, попутно перехватив взгляды на кобурю на животе. Но никто ничего не сказал.

Антон между тем быстро разлил чай по кружкам, стоящим уже на подносе в готовности, потом поднос переставил на столик. Там же была сахарница и коробка с шоколадным печеньем.

– Роман – покупатель, – наконец перешел к делу гостеприимный хозяин.

– Антош, покупатель пока ты, – поправил я его. – Если Роман покупатель, то он должен покупать в магазине. Так что если ему товар нравится, я оформляю трансфер на «Тоledo», а ты уже...

– Да я в курсе, – отмахнулся он. – Я к тому, что Роман берет на пробу, так сказать. Он в Цехе личкой заведует, вот и приценивается.

Ага, вот оно что. И «хантер», наверное, его и привез. Цех в прошлом тоже натуральной бандой был, да еще с примесью чего-то там сверхъестественного, но потом ушел под Торговый Союз, одну из главных сил Форта, и постепенно передрейфовал «на светлую сторону Силы», превратившись уже во вполне легальное охранное предприятие. И да, «личка» у них была хорошая, я слышал, как раз за счет того, что без магии у них не обходится и рефлекс у телохранителей всем на зависть. А вообще они все охраняют, от складов и торговых точек до обозов и прочего.

Я начал вытаскивать из сумки коробки с оружием, по одной выкладывая на стол и открывая.

– Если для «лички», то у меня самое лучшее, однозначно, – не стал я скромничать. – Только надо было заранее сказать, я бы патроны другие прихватил. Антон, к тебе претензия, к слову: секретничаешь не по делу.

– То есть с собой противоамулетных нет? – сообразив, о чем идет речь, сразу уточнил Роман.

– Я избегаю ими торговать свободно, – повернулся я к нему. – У меня на сей счет с нашими правоохранителями соглашение, так сказать. Есть повышенного поражающего действия, – я со стуком выложил первую коробку на стол, – есть с парализующим эффектом для нечисти и всяких тварей, есть зажигательные пули, горят после попадания долго.

– Это сорок пятый, – Роман отодвинул коробку с «рэдхоуком» в сторону, – а это... четыре-пять-четыре, так? Который мощней.

– Верно, – кивнул я.

– Но из мощного тоже можно стрелять сорок пятым.

– Можно. Но лучше это делать как можно реже.

– Почему? – удивился он. – Давление же ниже.

– Давление ниже, но гильза короче. – Я откинул барабан, показывая пустые каморы. –

Поэтому идет разгар передней части каморы, рано или поздно патроны начнут болтаться, и тогда может сам револьвер разрушиться. Поэтому лучше всегда своими калибрами пользоваться.

– А в этом как же? – Он взял из коробки «судью».

– Та же самая проблема. Поэтому лучше пользоваться четыреста десятым, а сорок пятый револьверный беречь до исключительных случаев.

– А пистолетов чего, нет? – спросил вдруг молчавший до сих пор Жилин. – Сорок пятый тоже можно же.

– Там пуля все равно легче, плюс форма патронника и ramпы начинают играть роль, – повернулся я к нему. – То есть больше риска, что нестандартная пуля застрянет.

Жилин хмыкнул, но ничего больше не сказал. Роман же спросил:

– А для «лички» что, на ваш взгляд, лучше?

– Против кого? Людей? Тварей?

– Для Форта. И для выезда из Форта.

– За стенами винтовки нужны или дробовики, – немного удивился я. – А в Форте... здесь пуля тяжелей, – показал я на «суперрэдхоук», – и убойная сила зашкаливает. Но отдача зверская, и неопытный стрелок может с ней не справиться. «Рэдхоук» в пользовании полегче, но слабей.

– Ты тех двоих из Семеры чем завалил? – спросил Жилин.

Артем Александрович перешел на «ты» уже, выходит. Ну да ладно, не будем пока эту тему развивать, дальше послушаем. По крайней мере, справки он навел, хотя про эту историю многие знают, даже в «Новости Форта» она попала. Без указания, правда, принадлежности убитых.

– Вот этим, – я показал на револьвер у себя в кобуре, – сорок пятый. Но если бы знал, что придут, воспользовался бы дробаном.

– А дробаны у тебя есть, так? – Жилин залпом допил чай и отставил кружку. – И ты там тоже че-то с ними делаешь?

– Есть, – лаконично ответил я.

– Про десятый калибр базарили, он вроде как только у тебя есть, так?

– Есть. Только у меня. Так что решаем? – повернулся я к Роману.

– Возьму все четыре, как обещал, – сказал он. – И надо будет тогда самому к вам приехать, а то как-то мы плохо согласовались, верно?

Ну да, верно, натемнил Антон. А Роман, похоже, покупатель нормальный, нечего было из-за четырех стволов кругами ходить. Приехал бы ко мне – может, и больше бы всего взял, и чуть более по делу. «Дерринджер» тельникам точно не нужен, а вот противоамулетные пули – товар номер один. Если тут кто что серьезное замыслил – без амулета на дело не пойдет, как те двое из Семеры. Даже на мне сейчас амулет висит, к слову.

– Да, могли бы лучше все организовать, – согласился я. – И может быть, я сам что-то посоветовал. – Я выудил из поясной сумки визитку, протянул ее Роману. – Звоните, договоримся.

Жилин заметно напрягся от такого моего к его персоне невнимания, но молчал. Похоже было, что он с Романом не в сильно близких отношениях. Более того, я думаю, что он тут из-за меня, а сюда пришел как совладелец магазина: «Толедо» как минимум наполовину ему принадлежит. И наша основная беседа, из-за которой он здесь, еще впереди.

Потом пришлось заполнять бумаги – трансферный формуляр на каждый ствол, заверять передачи печатями, так что весь процесс, от начала и до получения чека от «Толедо», занял с полчаса. У меня бы управились в три раза быстрее. И Тема Жилин, мать его, Артем Александрович, не развалился бы, доехал, если ему от меня что-то нужно. А ему нужно, по роже вижу.

Роман явно хотел тоже о чем-то еще поговорить, но заметно тяготился присутствием Жилина, так что просто пожал руку и распрощался, унося сумку с оружием. Обещал вскоре позвонить. Когда он вышел, Жилин оживился, встал, налил себе уже остывшего чаю, повернулся ко мне:

– Разговор есть, по делу.

Я только развел руками, изобразив терпеливое ожидание.

– Ты сколько в месяц продаешь?

Вопрос малость выходил за рамки приличий, так что ответил я просто:

– По-разному бывает.

– Значит, смотри, – Жилин шумно отхлебнул чаю из кружки, – вот тут у нас весь дорогой товар, – он постучал по подлокотнику дивана, подразумевая магазин. – У тебя товар только дорогой, и больше ни у кого такого нет, так?

– Так и задумывалось.

– И на хрена тогда тебе самому торговать? Давай я буду все забирать оптом, а продавать через «Толедо». Тебе возни меньше, не надо аренду платить, «Толедо» открыт всю неделю, а тебя еще и застанешь не всегда. Больше заработаешь.

Ну да, так и есть. Магазинов в Форте несколько, у каждого своя специализация. «Толедо» всегда самым дорогим был, даже адрес вроде как обязывает. Я ему хоть и не конкурент, а он мне, но именно образ «самый дорогой и лучший товар у нас» малость разваливается. Самый дорогой и лучший теперь у меня, и при этом конкуренции не ожидается.

Я ничего пока не сказал, а ждал продолжения, которое не задержалось:

– Ну ты че думаешь, что никто твои пули и все остальное повторить не сможет? Ну реально?

– Повторить сможет, – сдержанно ответил я. – А вот завезти такое же оружие и патроны таких калибров – нет. И еще, как я заметил, не так много людей в Форте знает, что вообще с оружием надо делать. Поэтому мой товар могу продавать только я, он работы требует.

– Да ладно, у Антона ребята все заказы примут, а ты сделаешь чего надо, – все же взялся настаивать Жилин. – В чем проблема? Можем даже для тебя здесь мастерскую открыть, если хочешь.

– Не хочу, – улыбнулся я.

– Ну у себя делай, – не понял он настоящего смысла ответа. – Главное – чтобы продажи всего дорогого через «Толедо» шли. Ну чтобы мы цены друг другу не сбивали.

– Не хочу, – повторил я. – А цены мы не собьем, у нас товар разный.

– Чего не хочешь?

– Даже обсуждать это предложение не хочу, – уточнил я все же. – Не интересно.

– Не, а че не интересно? – Жилин заметно разозлился. – Уговаривать, что ли, надо? Своего интереса не видишь?

– Не вижу, – развел я руками. – Твой, Тема, вижу, – я надавил на «твой», – а своего – нет. Не хочу, в общем.

– Не, ну смотри не пожалей потом. – Я заметил, как Антон совсем сник, словно в ожидании драки, но Жилин в драку не полезет, я вижу. Он меня не просчитал и сейчас это понял, поэтому не знает, как надо себя вести. Собирался репутацией надавить, но с этим как бы не ко мне, так что не сработало. – Можно и канал целиком потерять, что потом делать будешь?

- Мы закончили? – уточнил я, поднимаясь с дивана.
- В другой раз закончим, – буркнул Тема.
- Всем всего, – вновь улыбнулся я, снимая шубу с вешалки. – Удачи в начинаниях и прочего.
- Покупать оптом у тебя можно хотя бы? – все же влез Антон. – Скидку сделаешь?
- Оптом – это от десяти стволов, – ответил я. – Или под заказ по предоплате. А так все цены на ценниках. Счастливо.

Ушел я из «Толедо» спокойно, вежливо попрощавшись с продавцом и охранником. Тема перед своими людьми лица терять не хотел, так что остался с Антоном. Перед магазином не было ни «патриота», ни одной из «тойот», а в оставшейся сидели водитель и охранник на переднем сиденье.

Завел пикап, тронул с места, прикидывая, как лучше подъехать к дому. Интересно, те в «сабербене», или, как их тут называют, в «субурбане» или даже в «субуре», – они случайно не от Темы там сидят?

Могут и от него, хоть я и не могу понять смысла. Если Тема и начнет пакостить, то не сейчас и не так очевидно. Он бандит, но не дурак, дураком его никто никогда не считал. Нет, эти были все же от Семеры, пожалуй. Только что им нужно? Отомстить хотят? Тогда почему не стреляли сразу? Можно было, в конце концов, набрать всякой магии в амулетах, применить все хором – и сомнительно, что меня бы амулет спас или я отстрелялся. Сколько я с воротами возился? Долго. Я их машину заметил, когда уже выехал и закрывать их начал.

Вот что... а поеду-ка я не сразу домой сегодня, а заверну в одно место неподалеку. Совмещу, так сказать, приятное с полезным.

Поэтому поехал я не до поворота на Красный проспект, по которому как раз до моего дома по прямой, а мимо здания бывшей коммуны, как его тут называли, узкими улочками, мимо медучилища и клуба «Три семерки», в объезд высоток общежитий Дружины, проулками и дворами. Пару раз утыкался в наваленные чуть не до второго этажа сугробы, но все же пробился куда хотел – к обратной стороне клуба «Ширли-Муры», к их служебной стоянке, на какой обнаружил еще один хорошо знакомый «субур» и рядом с ним высоко сидящий красный «ки-блэйзер» – из того же источника, то есть от нас с Платоном. Капот у «блэйзера» был еще теплым, снег таял.

Обошел здание с торца, ежась от навалившегося холода, поднялся на крыльцо, толкнул увесистую дверь, обтер в тамбуре подошвы ботинок о коврик-щетку. Дальше мне дверь открыл знакомый охранник.

– Здорова, тезка, – протянул я руку.

Охранника тоже звали Колей. Был он на полголовы выше меня и раза в два, наверное, тяжелее. Раньше с ним работал Ваня Грачев, который сейчас на работу к Хмелю перешел.

– Ствол взять? – сразу спросил Коля, открывая сейф в гардеробной.

– Держи. – Я снял через голову подвесную с кобурой и протянул ему, потом выложил на прилавок складень «спайдерко». – Гамлет здесь?

Если «блэйзер» на стоянке, то должен быть здесь, но все же уточнил.

– У себя, – Коля скинул нож и кобуру с револьвером в пластиковый пакет и в таком виде захлопнул в сейфе. – Только что приехал.

«Ширли-Муры» – странное заведение, в котором ни один предмет мебели не соответствовал другому. Как с блошиного рынка, тащили все подряд. Но при этом кормили здесь вкусно, по вечерам играла живая музыка – или пианист, или даже неплохой джаз, – а пиво было выше всяких похвал. Через это самое пиво я с этим заведением и познакомился, потому что поставлял его сюда Хмель.

Но до того как навестить Гамлета, который «у себя», я сначала завернул в бар. Вскраб-кался на высокий стул, посмотрел на невысокую худенькую шатенку, стоявшую за стойкой.

– Привет.

– Привет, – улыбнулась она. – Как дела?

– Да нормально все, как обычно. Завтра выходная?

– Ага, – кивнула она. – Налить чего-нибудь? Или поужинаешь?

Поужинать бы надо, но пока другие планы. И даже пива пока не буду.

– Минералки просто, я ненадолго. Ты после смены куда собираешься?

– Вообще-то домой, – она чуть задумалась, – но могу и к тебе. Я в шесть заканчиваю.

Не разбужу?

– Да буди, какая разница.

Есть у меня такое уникальное качество – меня хоть сто раз за ночь буди, мне все равно, засыпаю обратно через секунду. Чего Мила, как зовут шатенку, понять никак не может. Ее если разбудить среди ночи – беда, до утра потом заснуть не может.

– Ты к Гамлету, что ли?

– К нему.

Мила выставила на стойку стакан с минералкой, с ломтиком лимона поверх кубиков льда.

– Спасибо, дорогая. Слушай, я машину здесь оставлю, доедешь на ней? – Я выложил ключи.

– Доеду, не беспокойся, – кивнула она и спросила: – Сам к нему зайдешь или позвать?

Хотел сказать что «зайду», но тут в зал вошел худощавый, носатый и при этом довольно приятной наружности кавказец, картинно раскинувший руки в таком жесте, словно он в моем лице нашел давно потерявшегося брата. Но обниматься при этом не стал, просто руки пожали друг другу.

– Клондайк!

– Датчанин!

Вообще я его зову по имени, то есть Гамлетом, но раз он начал с погоняла, то и я в том же стиле.

Клондайком, понятное дело, назвали меня из-за появления с Аляски. Ну и когда я начал «организовывать» разный товар вроде оружия и машин. Кто-то тогда, кажется Денис Селин, один из этой же бригады, ляпнул: «Ну ты в натуре Клондайк», – с тех пор и прицепилось. Коля Клондайк, Коляндайк даже иногда.

– Мешаю свиданию? – блеснул Гамлет вежливостью.

– Нет, я к тебе и зашел, собственно говоря.

– За столик? – предложил он. – Мил, мне тогда тоже минералки, хорошо?

В зале пока было пусто и тихо. И день будний, и рановато пока, тут народ больше на ночь собирается. Уселись в самом дальнем углу, за круглый стол с табличкой «Зарезервировано» – владельцы бара его обычно для себя и держали. И для переговоров, и для просто посидеть, потому как трезвенников среди них не было. Я в Форте трезвенников вообще еще не встречал, если честно. Другое дело, что именно Гамлет пил умеренно, в отличие от компаньонов.

– Чем могу? – спросил он. – Или проверяешь, как за Милой приглядываем? – добавил он с усмешкой.

– Доверяй, но проверяй, – усмехнулся я. – Гамлет, вопрос имею. По Теме Жилину.

– А чего по нему? – прищурился он. – Тема всегда себе на уме, всегда пытается что-то отжать, это его естественное состояние. К тебе подъехал, что ли?

– Типа того.

– И как?

– Да никак. Пока никак. Вообще он как далеко заходит?

Гамлет подумал пару секунд, крутя в пальцах свой стакан, затем сказал:

– Тема без обратки борзеем довольно быстро. Но мы его не раз уже обламывали, пере-секались раньше. Нужно?

– Пока нет, – сказал я осторожно. – Думаю, что и дальше не нужно будет. Просто пыта-юсь прикинуть, чего от него ждать можно.

Гамлет и его бригада не совсем те люди, к кому хочется идти за помощью. У меня с ними отношения равноправные, я им что-то продаю на хороших условиях, они платят деньги и рады меня здесь видеть. Как только начнешь просить о помощи – у тебя начнут просить об одолжениях. Да и есть у меня люди, к которым можно обратиться. Атаманов по-прежнему замкоменданта, с руководством Дружины в приятельстве, так что бо́льшую часть проблем, как мне кажется, проще будет решить законным путем. Если проблемы все же воз-никнут.

– От него всего можно ждать. – Гамлет усмехнулся. – Но он осторожный, свой покой ценит. Если он себя проявит снова – ему надо ясно намекнуть. Если это сделать очень ясно, то он поймет.

– Я понял. – Примерно так я и думал. – И еще вопрос: помнишь историю со стрельбой в магазине у меня?

– Кто же не помнит.

– По трупам вышло, что точно Семера, даже Тема сегодня подтвердил. Но я не слышал, чтобы они просто вот так грабить ходили. Хотя специально интересовался.

– Не их стиль, точно. – Гамлет откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди.

– Сегодня заметил их машину, за домом снова наблюдали.

– Точно Семера? – уточнил Гамлет.

– Машина их, «субур», я их все в городе знаю.

– А-а, – протянул он, кивнув.

– И вот голову ломаю: чего им теперь нужно?

– Они еще там?

– Не знаю, – пожал я плечами.

– А то можем подскочить прямо к ним, перетереть. Филипп с Денисом здесь, ну и ты, нормально. Поинтересуемся, чего хотят, ну и проявим себя заодно. Кстати, а Хмеля тогда не Семера бомбанула? Он не хотел кипеж поднимать, ну мы тогда и не стали особо суетиться. Так, поспрашивали, но никто ничего не знал.

– Чего? – не понял я. – Хмеля ограбили? Когда?

– Ну... за несколько дней до той стрельбы. – Вид у Гамлета был явно удивленным. – Не можешь в курсе не быть!

– Могу. И есть не в курсе, – честно сознался я. – О чем ты вообще? Я за пару дней до стрельбы вернулся, мы с Саней в Лудино тогда ездили. Ни слова не слышал.

– Хмель, блин, параноик, – заржал Гамлет. – Утаил все же. Ну это нормально, он вообще такой. С ним поговори тогда, может, что-то выяснишь. Так что, пойдем с семер-скими беседы беседовать?

– Не, не надо пока, – подумав, ответил я. – Я свою машину до завтра рядом с твоей оставлю?

– Не вопрос.

В общем, примерно на этом беседа и закончилась. Пожали друг другу руки, затем я с Милой до утра попрощался, забрал оружие из сейфа, а шубу из гардероба, да и пошел.

Пошел, понятное дело, дворами, для чего машину и оставлял. Тут не проедешь, все дворы завалены так, что с тропинок шагу в сторону не сделаешь. Обходя старые трех-этажки, добрался до общаги Патруля, точнее – до ее забора, потом обошел какой-то склад,

время от времени подсвечивая фонариком, потому что темнота за ним была хоть глаз коли, и вышел куда хотел со стороны Кривой. Остановился на углу, встав так, чтобы меня прикрывал вал снега, сметенный с проезжей части, выглянул – стоит «сабербен» до сих пор, не устали они наблюдать. Покопался в сумке и выудил оттуда прицел «уивер». Без колец, просто голую «трубу», только с нанесенными на нее латунию рунами в замысловатом узоре. Вообще-то он как прицел делался, да вот не получается решить проблему с креплением всей этой магической символики, от сильной отдачи отскакивает, не держится на алюминиевом корпусе. Так что я пробную партию пока вот так, в качестве прибора ночного видения пользую. Решу проблему с креплением – озолочусь.

Было в прицел зашито два заклинания – «Кошачий глаз» и «Вампир». Первое, понятно, работало как прибор ночного видения, разве что видение это было черно-белым, а вот «вампир» подсвечивал ауры, причем во всех красках, так что двоих в машине я тоже разглядел сразу. Еще что-то светилось через маленькие окна из паба у Хмеля, но это и понятно, а никаких других наблюдателей я не разглядел.

Подождал минут десять, чувствуя, как дубею, но больше никого не заметил, кроме нескольких торопившихся прохожих и проехавшего школьного автобуса, набитого яркими, как конфетные обертки, аурами детей.

Ладно, пошли. Расстегнул пуговицу в шубе напротив кобуры, проверил, как туда рука заходит, и пошел.

Пошел по противоположной стороне улицы, рассчитывая так, чтобы держаться в мертвой зоне правого зеркала. Если идти сзади под острым углом к машине, всегда можно встать так, чтобы для водителя и пассажира ты был вне поля зрения. Теперь бы только двери задние в «субуре» заперты не были. Нет, понятно, что крутые пацаны из Семеры запираются не станут, но у американских машин это обычно настраивается, все двери открываются от ключа или только передние. Если только передние, то накал драматизма будет недостаточным, как мне кажется.

Подходя к стоящей машине, не раз проклял скрипучий снег под ногами, но когда дернул ручку двери и оказался на заднем сиденье – понял, что сюрприз состоялся. Два крепких мужика в вязаных шапочках и коричневых дубленках, сидевшие впереди, даже дернуться не успели.

– Здорова! – поприветствовал я их самым радостным голосом из доступных, выразительно щелкнув курком револьвера. – Кому сидим? Чего ждем?

– Ты о чем, друг? – спросил сидевший за рулем мужик, обернувшись в профиль. Я заметил седоватые виски и сломанный до полной продавленности нос.

– О том, что руки держите так, чтобы я их видел. Это первое. И да, с такой дистанции амулет пулю, особенно мою, не отведет, так что беседовать будем мирно и цивилизованно. Согласны?

– Да как скажешь, друг, – так же спокойно ответил седой.

Второй был заметно моложе и, кажется, кавказец.

– Вы чего тут делаете?

– В машине сидим, брат, – доброжелательно ответил кавказец.

– А почему тут сидите? И почему так долго? И почему прячетесь от меня? Для взрослых дяденек прятаться даже унижительно, не?

– Мы не прятались, друг, – снова заговорил седой. – Мы ключи искали. Выронил я ключи, понимаешь.

– Не мыло? – со всей доступной заботливостью уточнил я.

– Ну ты совсем, друг, как-то унижить нас хочешь, – вздохнул тот.

– Унижить не хочу, просто заботу проявил, – уверил его я. – Так к чему я это все, да... – Я сделал вид, что задумался. – Ага, к тому, что как я увижу, что кто-то из Семеры здесь

просто сидит или просто, например, ходит, то я его застрелю. Потому что вы мне уже повод к беспокойству дали, когда те двое ко мне в лавку пришли.

– Мы не приходили, брат, – сказал кавказец.

– Вы разберитесь для начала, друг я вам или брат.

– Ему брат, а мне чиста друг. – Седой пальцем показал на своего напарника и зачем-то постучал себе в грудь. – Как тебе лучше?

– Я знаю, что не вы приходили, – пропустил я вопрос мимо ушей. – Если бы пришли вы, то я бы сейчас разговаривал с теми, кто пришел на самом деле. А похоронили бы вас. Вместо них.

– К чему ты это? – Седой поднял брови в притворном недоумении. – Даже слушать такое нехорошо. Вроде нормальный человек, а говоришь как...

– Тсс, – остановил я его. – Я сказал, а ты услышал. Взрослые люди, так что жевать все не обязательно. Еще раз встречу при странных обстоятельствах... ну вы меня поняли. Удачи вам, в общем.

И с этими словами выбрался из машины, захлопнув за собой дверь. Разговор сам себя исчерпал: все равно мне на них давить нечем, не стрелять же. А так они ничего не скажут, прекрасно понимают, что ничего им сделать не могу. Ладно, главное, что позицию я изложил, потом пусть не удивляются.

Мне теперь самому ходить с опаской надо, но я и так всегда осторожный. Здесь вообще место такое, что к осторожности сильно располагает, особенно если у тебя деньги водятся.

В Дружину стукнуть? Да надо бы, просто для сведения. Сделать они ничего пока не сделали, но явно что-то собираются сотворить. Меня завалят – так хоть будут знать кто, а я кого – так известно за что, вон и заявление лежит. Через Петю Атаманова туда зайду, чтобы сразу к правильному человеку. У Гамлета и компании тоже Дружина за крышу, насколько я слышал, эдак краем уха, но это опять же обязываться. Так что лучше через Петю.

Хотя... есть предчувствие, что теперь в раскладах надо будет еще и Тему Жилина учитывать из-за его наглости и некстати проявившегося жлобства. Очень некстати проявившегося. Все же надо будет подробней с Гамлетом побеседовать, прояснить, как Тема привык действовать. Что там у него за номер один – «молотов» в окно или попытка завалить? Тема, кстати, за пределами Форта действует активно, о чем опять же забывать не следует.

Я дождался, пока «сабербен» тронулся неторопливо с места и поехал вдоль по улице. А я убрал револьвер в кобуру и записал в блокнотик номер машины. Хоть он и простой, но забыть могу, у меня на цифры память плохая. А затем пошел в сторону магазина, но лишь тогда, когда увидел его задние огни, исчезающие за поворотом.

Кстати, у Хмеля, судя по тому что я заметил, ещелюдно, а я пока не ужинал. Вполне есть повод поболтать, если хозяин сам на месте.

Я угадал, в пабе былолюдно. Да и с чего быть по-другому, если вечер пятницы? Люди с работы идут, ну и заходят, конечно. Вот и машины стоят, две штуки, «буханка» Патруля и старенький, но напрочь переделанный «шестьдесят девятый» на больших колесах. На нем кто-то из Арсенала ездит, я знаю, тамошний начальник. Дружина в последнее время начала машины останавливать на предмет проверить водителя на трезвость, но подозреваю, что этот газик весь Форт знает, так что все нормально у хозяина.

У паба стиль был выдержан от самой двери, а учитывая то, что интерьер здесь делал Игорь Вайсер, легко можно было подумать, что у паба и моего магазина один и тот же хозяин. Собственно говоря, у Игоря Вайсера это был основной стиль, который он предлагал всем заказчикам. Но мне нравилось.

В зале было пять столиков-кабинок вдоль стены с окнами и длинная стойка с кранами-насосами, за которой сейчас заправлял Ваня. За парой столиков сидели маленькие компании, и у бара несколько человек тянуло пиво из высоких бокалов.

Поздоровался я сразу со всеми, кое-кто даже ответил.

– Привет, Вань, – протянул я руку через стойку. – Кухня открыта?

Ваня здесь за бармена, а на кухне Маша работает – приятная такая тетенька годам к пятидесяти.

– Маша сегодня раньше ушла, – ответил он. – Голодный? Она бутеров наделала, могу подогреть. И пирожки есть, с мясом и картошкой.

– Большие?

– Как обычно.

– Дай два таких и два таких, хорошо? И большое светлое.

Ваня кивнул, быстро накачал мне пива в бокал, сильно его наклоняя, выставил передо мной на картонный кружок без всякой эмблемы. Затем сказал:

– Сейчас принесу, – после чего скрылся в маленькой кухоньке.

Я отхлебнул пива, огляделся. Практически всех в зале знаю, здесь новые люди не так уж часто и бывают. Три парня за дальним столиком из Патруля, один из них – худой, чернявый и высокий – сержант. Двух других тоже обычно с ним вижу. Маленький и плотный на «буханке» водителем, высокий плечистый блондин не знаю кем там, но здесь часто. Нормальный парень, разок даже пили с ним вместе, случайно языками зацепившись.

Начальник из Арсенала рядом со мной сидит, один, какие-то бумаги в картонной папке читает. Смирнов фамилия, раньше в комендатуре служил, его Атаманов знает, за начальника арсенала Западных ворот там был, потом на повышение пошел. А до городского Арсенала отсюда рукой подать. Пожилой такой лысый дядек с внешностью завсегда пивного ларька, если не общаться. А поговоришь – нормальный такой умный дядя, приятно поговорить. Кстати, закупает у меня противоамулетные пули и несколько стволов взял для нужд города, так сказать. Мы здесь с ним обо всем и договорились, так что от соседства с пабом сплошная польза и почти никакого вреда. Через этот паб я вообще много что продаю. Когда мы с Саней, например, из города уезжаем, все звонки переводим сюда, за бар. Хмель или Ваня запросто назначат время визита для желающего что-то прикупить. Опять же, когда нас нет, многие в паб заглядывают. Многие сперва идут в паб, а потом уже к нам. Городская СЭС таким образом у меня с десятков дробовиков десятого калибра взяла, для своих аварийных бригад. Их зампотех сюда заходит время от времени, и за пивом ему кто-то рассказал, что у нас есть.

«Взаимовыгодные отношения» это все называется.

А пиво хорошее, Хмель варить его умеет.

Ваня вынес тарелку с четырьмя пирожками, поставил передо мной.

– Угощайся.

– Спасибо, Вань. Командир здесь?

– Хмель-то? – усмехнулся Иван. – Дома, – он глазами показал на потолок. – Спустится скоро.

Это понятно, что спустится. Хмель как минимум раз в час в бар заглядывает, проверить, что и как, хотя сам за стойкой стоит только с утра, когда посетителей мало. Точнее – сидит, затащив на ту сторону один из табуретов, и газеты читает. Если совсем рано зайти, то можно увидеть, как Хмель таблетки глотает, семь штук, разноцветные, в строго определенном порядке. Есть у меня подозрение, которого я никогда не высказывал, что Хмель здесь от какой-то болезни скрылся. Как Дмитрий, который тогда с нами сюда ушел. У него же рак был в терминальной, а ничего, живет теперь, с Платоном работает. Вот и Хмель, как мне кажется, сюда выжить пришел, иначе зачем столько пилюль?

Входная дверь блыкнула колокольчиком, и в бар зашел тот самый зампотех СЭС, о котором я только что вспомнил. Увидел меня, оживился, сразу же занял табурет рядом, на ходу стягивая толстую овчинную перчатку и протягивая руку.

– Здорова! Тебя мне как раз и надо. Стукнулся к тебе, а там закрыто.

– А что не позвонил?

– Да я живу рядом, меня с работы подвезли. Вань, – повернулся он к бармену, – налей стаута, пожалуйста.

– Васильич, без проблем, – Ваня выудил бокал из-под стойки и подставил его под кран, начав плавно покачивать рычагом. Темная жидкость быстро дошла до краев стакана, я даже ощутил запах, когда бармен поставил бокал на стойку.

– Так что за нужда? – уточнил я.

– Горючая картечь нужна для десятого, – сразу ответил Васильич. – Постреляли, так сказать, а самим снаряжать... ну ты понял.

– Гильзы какие-нибудь собрали?

– И собрали, и еще надо.

С десятым калибром я опять же практически монополист. А он чем дальше, тем лучше продается. Та же СЭС оценила, что пальнуть по какой твари такой кучей картечи куда эффективней, чем просто из двенадцатого. Надо будет еще гильз заказать. Да и дробанов завезти, потому что точно спрос на них подскочит. А больше ружей продам – больше патронов купят позже.

– Ну есть пока запас, – прикинул я. – Но не слишком большой. Сотни две патронов наберу, не больше.

– Ты вот все под меня и оставь, – сразу заявил Васильич. – Нам всего нужней, остальные подождут.

Ну да, именно безопасники из СЭС, которые ходят с группами ликвидаторов прорывов, сталкиваются со всякой тварью, порожденной Стужей, чаще всего. И обычно на минимальной дистанции.

– Хорошо, – кивнул я. – Когда заберете?

– Давай послезавтра, – прикинул Васильич. – Завтра я бумажки все подпишу, а послезавтра с утра и заеду сам, по пути на работу. В девять-то откроешься?

– Откроюсь. Гильзы тоже послезавтра? Сколько их у вас?

– Тоже с пару сотен. Я привезу. Быстро сделаешь?

– За день.

Дробь пока есть, но тоже надо еще заказать. Ее алхимик делает, не Саня. Она и с двенадцатым калибром у меня хорошо уходит. Навар с нее вроде и небольшой, потому что товар чужой, но стабильный.

– Быстро, – удивился Васильич. – Ну и хорошо.

До того как в баре появился Хмель, я уже переговорил и со Смирновым из Арсенала, и с зашедшим Семеном Беленьким, который держал автосервис тут в промзоне неподалеку. Тоже ведь здесь в пабе познакомились, Семен местное темное любил и заходил каждый день почти. Он проданные мной машины обслуживал, заказывая запчасти через меня же, да и продавал я с его стоянки, за которую платил посуточно, так что опять все оборачивалось к взаимной выгоде. А насколько я через окно разглядел, Семен еще и приехал на немолодом белом «чероки», который я же ему и подогнал.

– О, Сема, дело есть, – обрадовался я ему. – «Субур» с номером... – я достал из сумки блокнот, куда переписал номер машины, – тридцать-тридцать Эф-О-Эр – он чей, не в курсе?

– Сом из Семеры катается, – ответил Сема не задумываясь. – А что?

– Да так, пересеклись немного. Что о нем знаешь?

– Звезданутый наглухо, но с понятиями, – выдал на редкость емкое определение Семен. – Наехали, что ли?

– Нет, – отмахнулся я. – Так, столкнулись в одном месте просто, интересно стало, кто такой.

С Беленьким я посидел, пока в зале Хмель не появился, но ничего нового для себя не узнал. Слава же Хмелев вышел минут через сорок после моего прихода. Высокий, худой, в карго-штанах и толстой фланелевой рубашке, застегнутой под горло, в ботинках «мерелл». Откуда знаю про ботинки? Платон себе на жизнь зарабатывает тем, что скупает со складов в Аляске одежду для охотников прошлого сезона. Она ему там процентов в десять от цены обходится, почти даром. И здесь на рынке у него два магазинчика, через которые он ее толкает. А Хмель соответственно у Платона и одевается.

– Слава, – протянул я ему руку.

Сегодня пока еще не виделись, хоть и соседи. Завтракал я у себя, а пообедать забыл.

– Привет. – Он протянул свою худую ладонь с тощими пальцами. – Как жизнь?

– Полна вопросов, – ответил я честно. – Есть минутка?

– Конечно. Посидим? – Он кивнул на свободный столик. – Или тебе приватно?

«Приватно» – это вниз, в пивоварню.

– Пошли вниз.

Хмель насторожился, но никак не прокомментировал, а просто пошел вперед, к двери. Спуск в подвал был в этой половине дома другим. У меня точно в середине помещения, а здесь в углу, и лесенка с изгибом, довольно узкая, из-за чего Хмель оборудовал подъемник для кегов, иначе их было бы снизу и не поднять.

Сама пивоварня занимала примерно с половину подвала, а другая представляла некую смесь кладовки, конторки и отдельного кабинета для гостей – в углу стоял массивный стол со скамейками, а на полке над ним выстроились чистые кружки. Хмель это место как переговорную использовал обычно. Пахло вроде как влажным хлебом, но я уже к этому запаху из-за соседства привык.

Не говоря ни слова, Хмель выставил на столик кувшин с темным пивом, который прихватил сверху, а рядом поставил две чистые кружки. Что интересно – в пабе только бокалы, а внизу он кружки держит, эстет. Кстати, я светлое пил, а теперь придется стаут. Но я не в обиде, он мне тоже нравится.

– Слав, ты чего мне не сказал, что тебя тут грабили? – спросил я, усаживаясь за стол.

Слава скосил глаза куда-то в сторону пивоваренной территории, словно ожидая увидеть там грабителей, затем произнес:

– Да ерунда, дело житейское. Можно сказать, и не было ничего.

– Слав, ну как не было? – поразился я. – Через три дня... или там четыре примерно я двух мужиков у себя в лавке застрелил. Сначала к тебе, затем ко мне – как-то не очень на совпадение похоже, согласись.

– Тебе кто рассказал-то?

– Гамлет рассказал, – вздохнул я. – Ты же его не просил не рассказывать, верно? Вот он и рассказал, когда я его спрашивал про тех из Семеры, что ко мне зашли. Он думал, что я знаю.

– Ну ограбили и ограбили. Кассу взяли. Бывает. Что рассказывать-то?

А, это он типа застеснялся тогда?

– Слава, за домом опять следили, сегодня. Семера. Не заметил?

– Чего? – Хмель явно насторожился. – Сегодня?

– Сегодня.

– Блин! Какого ляда они тут забыли?!

– А как ты думаешь? Хотели подарить цветы и расцеловать в щеки, наверное. Ты такого Сома там знаешь, нет?

Отпил стаута – не, нормально, не хуже светлого. Надо вообще чередовать, наверное, для разнообразия и яркости впечатлений.

– Откуда? Я там никого не знаю, – сразу заявил он. – Ты сам его откуда знаешь?

– Побеседовал с ними немного. – Тут я возмущился слегка: – Слав, расскажи, как было, блин, хорош невинность изображать, а то от твоей скрытности привалют меня на входе – по ночам стану являться. Колись давай.

– Да нечего рассказывать. Только дверь отпер – по затылку получил. «Щелчком» приложили, до сих пор голова гудит. Очнулся – касса пустая.

– Касса? – не понял я. – С утра?

Кто с утра грабить ходит, когда никакой выручки? Кто ходит грабить по утрам, парам-парам, парам-тарам?

– Здесь касса, внизу. – Хмель показал куда-то в угол подвала. – Там сотни две золотом было, оборотка, все такое.

– И они про кассу знали?

– Не думаю. – Слава как-то помялся, поморщился, потом все же сказал: – Да нет, не знали, точно. Они даже мебель двигали и баки с места своротили. Искали что-то, и вряд ли кассу.

– А что?

– Коль, ни малейшего представления не имею, – вздохнул Хмель, но опять как-то неуверенно.

Со Славой всегда так, вечно ощущение, что он что-то недоговаривает. А начнешь проверять – нет, все вывалил, Хмель партнер честный и товарищ хороший, и хрен знает с чего такое впечатление.

– Пришли, перерыли все, кассу нашли случайно, с ней и свалили, – добавил он. – Легкие деньги. Ты же знаешь, я ничего убойного из защиты не ставлю. Сработает, когда посетители или тетя Маша внутри, – греха не оберешься. А наверх не сунулись, там сигналка нормальная, с ходу не снимешь.

Сигналка? Ну да, Хмель квартиру под защиту ставит каждый раз, даже когда просто вниз спускается. Защиту, понятное дело, налаживал Саня. Не такую зверскую, как в оружейном, но серьезную, такую преодолеть без очень больших трудностей не получится. То, что Хмель вырубленный лежал, ничего не меняет, одного ключа мало, тут надо еще и слово про себя сказать, и слово правильное, а с неправильным опять сюрпризы могут быть. И местный криминал об этом знает. Не только про наш дом, а про любой с магической защитой, потому что это искусство здесь до больших высот поднялось, в том мире о таком и не слышали. Вон типа «элитный жилой комплекс» в бывшем городском морге, которым маг Гадес рулит, – так туда никто никогда даже лезть не пытался, там как в другом измерении жить. У нас все куда проще, но...

– А Маша где была?

– Она так рано не приходит.

То есть это тоже учли. А ко мне пришли... ну да, у меня везде все отключено было, квартиру я под защиту не ставлю во время рабочего дня. Так, может, пришли не грабить и не предъявлять, а что-то искать?

– Слав, так ты думаешь, они искали-то конкретное?

– Ну... да, искали... – помявшись, сказал Хмель. – В общем, когда я очнулся, те уроды еще внутри были. Помню, ругались между собой, мебель ворочали. Но меня сразу снова вырубил, подробностей не расслышал.

Складывается. Так – складывается. А что тогда в машине сидели? Наблюдали или что на сегодня замыслили? Но если замыслили, то уже отменили, я думаю. Или все же...

Что искать-то могли? Мы тут со Славой меньше года, и нас заподозрить в том, что мы тут клады закапывали... ну, сложно, наверное. Я бы не заподозрил, по крайней мере. А кто тут был до нас? Коррумпированный хозяйственник, отделение Патруля и бандиты.

Бандиты что-то упрятали? А почему бы и нет?

– Идеи есть какие-нибудь? Слав, только не жмись, надоел ты со своей скрытностью, скажи как есть, – наехал я на него с ходу, уловив уже знакомое сомневающееся выражение лица.

– Нет идей, – вздохнул он. – Честно. Но ничего, я их запомнил. Узнаю, если что. Точно узнаю... Он долил мне кружку до полной. –пей давай. Ты как – не голодный?

До конца я ему почему-то не поверил. Но пиво нравится, тут все нормально. И пирожки я уже умял, спасибо за заботу.

Хмель. Незадолго до событий

Пятница

Я люблю утро. Я люблю утро. Я люблю утро.

Мать вашу, я действительно люблю утро!

Люблю! Но только не когда приходится валяться в постели, разминая занемевшие за ночь руки и ноги, скрипеть зубами от изматывающей боли, натужно приседать, разгоняя по телу кровь. И так – всякое утро, а с каждым днем все дольше и болезненней.

И ведь только первую неделю мучаюсь, что же дальше будет?

Думать об этом не хотелось.

Вытянув перед собой руку, я полюбовался нервным тремором пальцев, натянул штаны и рубашку, обулся и в очередной раз подумал, что все могло обернуться куда как хуже. Пока же случившееся походило на случайный налет, а не спланированную акцию: никто не копал лично под меня, не пытался вспугнуть, заставить засуетиться и раскрыть связи и контакты. В денежном плане ситуация от этого лучше не становилась, но потеря дополнительного приработка уже даже особо не пугала. Главное, лично мне ничто не грозит.

А мне и в самом деле ничто не грозило: несколько дней назад обнаглевшие от безнаказанности грабители вломилась в оружейный магазин, и сосед уложил обоих на месте. Я тогда специально заглянул к Гордееву, прежде чем тела увезли в крематорий, и один из подстреленных налетчиков показался смутно знакомым. Насчет второго такой уверенности не было, и в любом случае оставался третий, но это уже не напрягало. Случайность, простая случайность...

Я натянул куртку, сунул в один карман дубинку, в другой фонарик и спустился на первый этаж. Бар открывать не стал, на улицу вышел через черный ход. Натянул шапочку и потихоньку побежал.

Побежал, побежал, побежал, заставляя себя переставлять непослушные ноги. Легкие насыщались воздухом, сердце разгоняло по жилам кровь, красные кровяные тельца несли кислород.

Постепенно я втянулся, набрал нужный ритм, и под конец пяти километров организм заработал как часы. Слабость на время отступила, пальцы перестало сводить от холода, а дыхание хоть и вырывалось с хрипом и сипом, но и близко не возникало позывов рухнуть в ближайший сугроб и перевести дух.

Бег – это сила. Впрочем, я предпочел бы просто выпить таблетки.

Отперев входную дверь бара, я прошел за стойку, убрал куртку на вешалку и налил чаю. Кипяток в термосе за ночь успел остыть, но дожидаться, пока закипит чайник, не было сил, выпил так.

После этого я уселся на табурет, но только взял вчерашнюю газету, как распахнулась входная дверь и с улицы зашел плечистый молодой человек в длинном пальто и каракулевой шапке.

На любителя пропустить с утра кружку-другую пива он несколько не походил, и невольно я бросил взгляд под стойку, где лежал «Шершень» и его пневматический брат-близнец.

От посетителя это не укрылось, он стянул с руки кожаную перчатку и продемонстрировал жетон с выгравированным на нем соколом.

– Дружина! – объявил румяный молодой человек, подходя к стойке. – Отдел дознания. Я этому известию несколько не обрадовался.

Некоторые наивно полагали, будто Дружина – это местный аналог милиции или полиции, хоть и повально коррумпированный и наплевательски относящийся к гражданским правам. Опасное заблуждение, зачастую приводящее преуспевающих предпринимателей к разбитому корыту или необходимости впредь работать на чужого дядю.

Дружина – она и была Дружиной. Вооруженной группой лиц, которые устанавливали свои порядки и поддерживали их, не считаясь с мнением окружающих. И если с рядовыми сотрудниками проблем обычно не возникало, то средний командный состав имел обыкновение облагать данью всех, кто не располагал защитой в силу личных связей или принадлежности к Торговому Союзу. Надо ли говорить, что подобная практика сложилась с полного одобрения вышестоящего начальства, которое имело с этого свою долю?

Поэтому я, заранее предчувствуя грядущие неприятности, тяжело вздохнул и попросил:

– Будьте так добры, жетон...

Молодой человек хмыкнул и развернул служебную бляху обратной стороной.

«Синицын Юрий Романович, дознаватель».

– Что ж, Юрий Романович, – улыбнулся я, – чем обязан?

– Хмелев Вячеслав Владимирович?

Я кивнул.

– Жалуются на вас, Вячеслав Владимирович! – объявил тогда дознаватель.

– Да неужели? Странно. У меня тихое заведение, никаких драк, никакого шума. Все клиенты довольны. Да и соседей особо нет, чтобы жаловаться.

Синицын выложил на стойку кожаную папку, сверху поставил каракулевую формовку.

– Жалуются не на бар, жалуются на вас лично, – поправился он и потер покрасневшие щеки. – Ну и холод на улице, знаете ли!

Я ничего не ответил, ожидая продолжения. Дознаватель Синицын вызывал глухую неприязнь, и дело было вовсе не в его служебном положении. Он не нравился мне сам по себе. Почему – не знаю. Это раздражало и мешало сосредоточиться.

Дружинник понял, что словоохотливого собеседника в моем лице он не обретет, вздохнул и выложил на стойку целлофановый пакетик с семью разноцветными пилюлями.

– Вам знакомы эти таблетки? – с некоторой даже ленцой поинтересовался он.

Я сглотнул слюну и через силу улыбнулся.

– Первый раз вижу, – ответил после едва заметной запинки.

– В самом деле? – протянул Синицын и начал доставать из папки заполненные печатным текстом листы: – Протокол задержания некоего Мартыненко Марата Захаровича. Акт изъятия неустановленных таблеток. Экспертное заключение о наличии в составе вышеуказанных таблеток веществ, включенных в список наркотических и запрещенных к обороту. Показания все того же Мартыненко о приобретении данных таблеток у Хмелева Вячеслава Владимировича, то есть у вас.

– Первый раз слышу о таком гражданине, – развел я руками.

– Вы его не знаете?

– В бар кто только не заходит, разве всех упомнишь?

– Не упомнишь, – согласился со мной Сеницын, – но криминалистика – наука точная. С изъятого у гражданина Мартыненко спичечного коробка, в котором хранились наркотические препараты, были сняты четкие отпечатки. Как думаете, совпадут они с вашими?

– С какой стати? – хмыкнул я и развернул к себе бланки протоколов, не став при этом касаться их подушечками пальцев.

Дознаватель не соврал; у задержанного за пьяный дебош Мартыненко М. З. и в самом деле был изъят коробок с таблетками, который впоследствии был направлен на экспертизу, а химики Гимназии подтверждали наличие в таблетках веществ, включенных в список запрещенных. Немного смущало, что семь пилюль никак не тянули на крупную партию наркотиков и повод для шантажа, но Сеницын запросто мог не раскрывать всех карт, придерживая в рукаве козырного туза.

За торговлю наркотиками в особо крупных размерах наказание было одно – петля. Говорят, лет восемь назад, в пору повального увлечения алхимическими галлюциногенами, их распространителей вешали неподалеку отсюда, напротив здания бывшего техникума легкой промышленности. Теперь помост с виселицами стоял у городского крематория, но факт оставался фактом – вздернут. Мартыненко в своих показаниях изложил все на редкость четко, даже описание моей внешности привел.

Вот сволочь! Обчистил меня и меня же в распространении наркотиков обвиняет!

– Ознакомились? – со снисходительной улыбкой уточнил дознаватель, забрал листы и убрал в папку. – Проедем сдать отпечатки пальцев или договоримся по-хорошему?

Я чего-то подобного ожидал с самого начала, поэтому не стал разыгрывать оскорбленную невинность и просто спросил:

– По-хорошему – это как?

– По-хорошему – это без протокола.

– На каких условиях?

– Вячеслав Владимирович, вы же прекрасно понимаете, что без друзей в этой жизни не обойтись, – улыбнулся Сеницын. – Насколько мне известно, до сих пор вы пренебрегали всеми предложениями о сотрудничестве, и посмотрите, к чему это привело. Сбыт в особо крупных размерах – это смертная казнь.

Я достал из-под прилавка бутылку с самогоном, выдернул пробку, наполнил рюмку. Руки тряслись, но скрывать этого даже не пытался. Выпил и поморщился:

– Тем более удивляет, что вы пришли один, а не в сопровождении десятка рядовых для демонстрации серьезности намерений.

– Деньги любят тишину, – неожиданно разумно ответил дознаватель, – а если я дам ход этому делу, то остановить расследование уже не смогу. Ни я, ни кто другой. Вы ведь разумный человек, Вячеслав Владимирович, вы должны понимать, что я делаю вам одолжение.

– На каких условиях? – повторил я свой вопрос.

– А во сколько вы оцениваете свою жизнь? – подался ко мне молодой человек.

– Жизнь – бесценна.

– Вот видите!

– Мою искреннюю признательность в деньгах так же не оценить.

– Еще как оценить, – отрезал Сеницын. – Мы прикроем вас, Вячеслав Владимирович, и будем прикрывать дальше, но взамен от вас потребуется ответное содействие.

– В плане?

– Четверть легальных доходов и половина нелегальных, – озвучил наконец свои условия дознаватель. – Во избежание разночтений все оформим документально, и уже к вечеру дело будет закрыто.

Я покачал головой.

– Это несерьезно.

– Несерьезно ваше стремление отправиться на виселицу, – парировал Синицын. – Либо мы договоримся здесь и сейчас, либо через полчаса у вас все перевернут вверх дном. И поверьте – документальных доказательств виновности в ходе обыска отыщется предостаточно.

Лично у меня в этом сомнений не было ни малейших, но соглашаться на людоедские условия дознавателя я не собирался. Передача четверти доходов от пивоварни в обмен на прекращение уголовного преследования и будущее покровительство еще могла считаться неплохим выходом из сложившейся ситуации, но давать доступ посторонним к торговле лекарствами было равносильно отложенному смертному приговору. Рано или поздно от меня избавятся.

Я это прекрасно понимал и потому спокойно сказал:

– Я рискну.

Синицын сразу перестал улыбаться и постучал пальцами о стойку.

– Двадцать процентов от легальных доходов и треть от нелегальных, – выдвинул он встречное предложение.

– Нисколько, – отрезал я. – Меня оклеветали, и я это докажу в суде.

– Прекратите нести ерунду! – нахмурился Синицын. – Либо вы будете сотрудничать, либо отправитесь прямиком на виселицу!

Но я лишь покачал головой. Мои связи позволяли не только замять это дело и вернуть изъятые дружинниками препараты, но еще и получить гарантии собственной безопасности, чего никак не мог обеспечить выскочка Синицын, даже возникни вдруг у него такое странное желание. Придется просить о покровительстве у партнеров по бизнесу, и хоть это неминуемо обернется потерей части доходов от пивоварни, иного выхода я не видел.

– Вы понимаете, что уже через час окажетесь в камере? – продолжил нагонять на меня жуть собеседник. – Вы понимаете, что будет дальше? Вас повесят!

– Очень сомневаюсь, – вновь улыбнулся я в ответ.

– Вы неадекватны!

– Вовсе нет.

Синицын покраснел как рак, резким движением застегнул молнию папки и многозначительно произнес:

– Я давал вам шанс!

– Давали, Юрий Романович, – подтвердил я.

Дознаватель ожег меня ненавидящим взглядом, схватил шапку и зашагал на выход. Уже у двери он резко развернулся и ткнул в меня указательным пальцем с массивной золотой печаткой:

– Вы пожалеете!

И неожиданно этот жест отозвался в памяти смазанным воспоминанием, неприятным и даже болезненным. *Темный подвал, свет фонаря, резкое движение рукой одного из грабителей...*

Третьим налетчиком был Синицын! Я вдруг понял это со всей отчетливостью.

Я его узнал, и сразу стали понятны странности с передачей на экспертизу якобы изъятых при задержании у Мартыненко таблеток: на анализ дознаватель отправил лишь семь пилюль из коробка, а остальные лекарства придержал для последующей продажи! Не было никакого случайного задержания, грабители просто решили выкрутить мне руки!

Враз перехватило дыхание, перед глазами замелькали серые точки, растеклась по рукам неприятная ломота.

– Один вопрос, Юрий Романович! – спокойно произнес я, переведя дух. – Если мы договоримся, вы сможете вернуть изъятые препараты? Все препараты?

Мне не понаслышке было известно, сколь непросто попасть в хранилище вещественных доказательств и тем более изъять оттуда уже оприходованные улики, но дознаватель ответил без малейшей заминки:

– Разумеется!

И я поверил ему, сразу и безоговорочно. И потому вытащил из-под стойки лежавшую рядом с «Шершнем» винтовку.

– Вы с ума сошли? – вскинулся Сеницын, несколько не обеспокоенный наставленным на него оружием. И неспроста – зашитые в служебную бляху заклинания обеспечивали его защитой от всех сертифицированных для продажи в Форте амулетов и магических жезлов.

– Кто навел вас на меня? – спросил я, продолжая удерживать дружинника на прицеле.

И, наверное, проскочила в голосе некая интонация, какой-то намек на скорую развязку, поскольку рука дознавателя вдруг метнулась к поясу. И в тот же миг несильно хлопнула пневматическая винтовка. Сказались детские занятия в спортивном клубе «Динамо» – свинцовый шарик калибра .375 угодил точно в лоб.

Сеницын дернулся и навзничь завалился на спину; я выдернул из пачки пакет для мусора, обогнул стойку и быстрым шагом пересек бар. Надел пакет на простреленную голову покойника, затянул его, дабы не отмывать потом от крови пол, и задвинул засов входной двери.

Страхом навалилось осознание происшедшего, но давать волю эмоциям я не стал. Замер у окна и осторожно выглянул на улицу; там – никого.

Вот и отлично. Я пошарил по карманам дознавателя, выудил пакетик с пилюлями, на гладких боках которых выделялись глубокие надрезы, и вернулся за стойку. Разложил таблетки по цветам, потом налил в стакан кипяченой воды и машинально взглянул на левое запястье.

Пустое – наручные часы уволок один из грабителей. Никак не могу привыкнуть.

Тогда я закинул в рот красную пилюлю, запил ее глотком воды, досчитал от ста одного до ста пятнадцати и взял следующую таблетку. Закончил прием лекарств – и без сил опустился на табурет, но вскоре ощутил, как отступает ломота в суставах и пропадает одышка.

И одновременно накатывало понимание, что сам себя загнал в угол и выбраться из этой волчьей ямы будет совсем непросто.

Может, не стоило убивать дознавателя? – промелькнула даже шальная мысль, но я лишь пожал плечами, отвел болтовой затвор пневматической винтовки и вложил в патронник новый свинцовый шар.

Огнестрельное оружие в Форте находилось под запретом, сертифицированные жезлы использовать против находящихся при исполнении дружинников не представлялось возможным, они бы просто не сработали, но законодательство никак не регламентировало оборот пневматических винтовок. Я этим обстоятельством не преминул воспользоваться и попросил знакомого мастера сделать ложе точь-в-точь как у своего «Шершня», а баллон сжатого воздуха выкрасил в стандартную расцветку банок с шарами для жезлов «свинцовых ос». Отличить их можно было, лишь подержав в руках.

Паранойя? Вовсе нет, обычная предусмотрительность. И сегодня она себя оправдала.

Можно было, конечно, хранить под стойкой арбалет, но уверен – Сеницын в этом случае сразу бы выскочил за дверь. А так счел, что ему ничто не угрожает, за это и поплатился. Впрочем, поплатился он совсем за другое...

Я несколько раз глубоко вздохнул и поднялся с табурета, но прежде чем вышел из-за стойки, зазвонил телефонный аппарат. Резкое дребезжание ударило по нервам, бешено

заколотилось сердце, всколыхнулись унявшиеся было страхи, но я не поддался панике, снял трубку и спокойно произнес:

– Алло?

– Слава! – слышался голос Ирины. – Я перед сменой решила тебе позвонить, а то ты совсем пропал. У тебя все в порядке?

Я посмотрел на покойника с мешком на голове и произнес, зажимая двумя пальцами нос:

– Ирин, сейчас не очень удобно разговаривать.

– У тебя все в порядке?

– Все в порядке, – уверил я подругу. – Я же говорил – слег с простудой, сейчас сдам бар Ивану и пойду к себе отлеживаться.

– Принести лекарства?

– Если насморк лечить, он пройдет через неделю, если не лечить, то через семь дней.

– Ладно, я побежала, – заторопилась тогда девушка. – Позвоню вечером, хорошо?

– Непременно звони. Я немного оклемаюсь, и увидимся, чтобы тебя не заражать.

– Целую!

Раздались короткие гудки, я бросил трубку на рычажки, взял куртку и ключи от «буханки», ухватил покойника за ноги и потянул его к двери черного хода. Затем выгнал из каретного сарая УАЗ, погрузил в него мертвого дознавателя и, накрыв тело брезентом, с облегчением захлопнул задние дверцы.

Вернулся в бар и нервно вздрогнул, заслышав стук в дверь.

Вашу ж мать, кого еще принесло?!

– Дядя Слава! – слышался вдруг голос Ивана Грачева. – Открывай!

Я сунул пневматическую винтовку под прилавок, убрал каракулеву шапку и папку дознавателя в непрозрачный пакет и запустил в бар помощника.

– А чего на засов заперся? – удивился тот.

– Только с пробежки вернулся, даже умыться не успел, – спокойно ответил я.

– А! – протянул парень. – Дело хорошее. Физкульт-привет!

– Физкульт-физкульт, – пробормотал я и предупредил: – Поеду кеги из «Западного полюса» забрать, если вдруг Ирина позвонит, скажи, что я весь в соплях к себе ушел и просил не будить.

– Отношения зашли в тупик? – удивился Иван.

– Нет, – поморщился я. – Просто пытаюсь соответствовать. А то расслабился, потерял форму.

– По вам не скажешь.

– В общем, вернусь через пару часов.

Я прихватил с собой пакет и «Шершень» и направился на задний двор. Завел двигатель, уселся за руль и надолго замер так, пытаясь осмыслить случившееся.

Ко мне вламывалось трое. Одного точно застрелили в «Большой Охоте», второй остывает позади меня. Вопрос даже не в том, где третий; вопрос в том, где таблетки и штампы. В хранилище вещественных доказательств их не сдавали совершенно точно. Потрясти товарища Мартыненко? Быть может, третий именно он?

Я кивнул. С Мартыненко придется разобраться в любом случае. Он единственный, кто может связать меня с убитым дознавателем.

Но единственный ли? Уповать на это не стоило. И напротив – стоило подстраховаться.

Я беззвучно выругался, перебрался через сиденья к телу и наскоро обыскал покойника. Всю обнаруженную в карманах мелочовку побросал в пакет к папке, служебный жетон пробил острым шипом на обухе валявшегося здесь же топорика. ПМ в кобуре на поясе мертвеца трогать не стал.

Выехав со двора, я повернул на Красный проспект и направился на север. Так и катил, пока не уперся в бывшее автотранспортное предприятие, на территории которого ныне базировалось наемное подразделение Лиги. На перекрестке повернул на Автозаводскую улицу и без спешки покатил вдоль гетто «Черный квадрат», где под надзором Сестер Холода содер-жались *уроды* – бедолаги, изувеченные магическим излучением Приграничья. Мутанты, если хотите.

Вид мрачной бетонной ограды с колючей проволокой поверху и караульными выш-ками нагонял нервную дрожь, выстроившиеся с другой стороны дороги двухэтажные бараки пугали ничуть не меньше. Северная окраина считалась местом беззаконным и опасным, на ней до недавнего времени всем заправляли многочисленные банды. Да и теперь, когда наемники Лиги установили здесь свой контроль, на изрисованных многочисленными граф-фити стенах домов до сих пор встречались свежие метки Чистых. Одно из наиболее влия-тельных в округе преступных сообществ ушло в глухое подполье, но всех своих позиций не растеряло.

Когда в мае тут оттаает мертвый дружинник – это никого не удивит.

Свернув во дворы, я заехал в закуток меж глухих стен домов, выволок из машины покойника и кинул его в высокий сугроб, быстро забросал снегом, убрал лопатку под пасса-жирское сиденье и покатил прочь.

Случайных свидетелей я не опасался: северная окраина была не тем местом, где людей отличает хорошая память и желание общаться с правоохранительными органами. К тому же «буханка» была в Форте транспортным средством весьма распространенным, а установкой номерных знаков я себя не обременил по той простой причине, что на подобных маши-нах ездили в основном люди служивые; дружинники меня не останавливали для проверок ни разу.

Возвращаться той же дорогой я не стал, медленно проехал напрямик через Север-ную окраину, на ходу выбросил из окна пробитый служебный жетон Синицына и вывернул на Комсомольскую. По правую руку осталась новая база Патруля, дальше за домами мельк-нул увенчанный клубами валившего из труб дыма серый силуэт гостиницы «Гавань», а после показался Торговый угол – самая доходная точка Торгового Союза после Южного бульвара и Кишки. Большинство магазинов здесь работало круглосуточно; ночное освещение обес-печивали стажеры-гимназисты, которые силой своей воли поддерживали сияние висевших в воздухе энергетических шаров. Неподалеку от перекрестка была припаркована «газель» дружинников, перед магазинами прохаживалось несколько приглядывавших за порядком цеховиков.

Я медленно проехал мимо, повернул на Красный проспект и досадливо поморщился, когда глаза заломило из-за кислотного блеска вывески магазина «Алхимия&Жизнь». Маши-нально сбросил скорость, и тотчас через проезжую часть рванула пара мальчишек. Ну что за люди?! Никакого понимания правил дорожного движения!

Перед Кривой пришлось пропустить два тентованных КамАЗа и кативший за ними топливозаправщик, затем я проехал склады и штаб-квартиру входившего в Торговый Союз объединения промышленников и свернул на площадь Павших. Вокруг расчищенной от снега площадки, в центре которой возвышался монумент с двумя бетонными фигурами – мужика с автоматом и старика с огромным фолиантом в руках, – располагались многочисленные киоски и магазинчики, но интересовали меня вовсе не они, а спуск в Кишку.

Кишкой именовалась сеть соединенных воедино подвалов, бомбоубежищ и подзем-ных коммуникаций, где располагалось просто бесчисленное количество лавок, магазинчиков, развлекательных и питейных заведений. Когда на улице большую часть года царит холод и дуют студеные ветра, хочется хоть ненадолго спрятаться от стужи, и подземный торговый комплекс такую возможность посетителям давал.

Я припарковал УАЗ неподалеку от будки охраны с эмблемой Цеха на стене – оплетенной колючей проволокой шестерней, – между побитым жизнью грузовичком-«бычком» и такой же «буханкой», как у меня, только камуфляжно-зеленой.

Сразу входить не стал, сначала вытащил из пластикового пакета папку дознавателя и выбрал нужный протокол. Жезл «свинцовых ос» убрал за сиденье, потом запер машину и направился к уходящей в подземелье лестнице. По пути выбросил в мусорный бак пустую папку и спокойно спустился под землю.

Сразу у входа располагались ювелирные салоны, а проход с изрисованными флуоресцентными граффити стенами привел меня в просторный зал, залитый неровным светом шаров колдовского огня под потолком. Вдоль стен тянулись многочисленные лавки, их вывески светились разноцветными огнями, мерцали и меняли форму. «ТулупЪ», «Ваш предсказатель», «Арбалеты и жезлы», «Тату-салон «Сильвер», «Пельменная № 1», «Электрон», «Булки!», «Обереги от Братства», «Бытовая магия», «Ножи», «ХулиGun».

Здесь же располагалась вторая точка Платона с одеждой, но я прошел мимо и свернул в закуток с массивной дверью клуба «Западный полюс». Дверь была сплошь покрыта непонятными светящимися символами, а вместо обычного смотрового глазка на уровне лица в прозрачном растворе за бронированным стеклом плавал самый настоящий глаз; ну или его искусная копия.

Я помахал рукой, и немедленно раздался щелчок замка.

В клубе было странно. Повернутые под разными углами алхимические светильники и неровные поверхности потолка и стен создавали иллюзию искривленного пространства, а внутри прозрачного пола мерцали и переливались зеленые звезды. Заполнивший помещение полумрак скрадывал размеры и не давал разглядеть посетителей, ярко освещена была лишь ниша сцены в дальней стене.

Мне здесь не нравилось. Все казалось неправильным, слишком резким, излишне реальным. Не прими я с утра таблетки, ограничился бы телефонным звонком, да и так закружилась голова и сбилось дыхание. Для людей с повышенной чувствительностью к магии находиться здесь было сущим мучением.

В свое время это место облюбовали *уники* – люди, получившие в результате мутации случайные магические способности. Никто не знал доподлинно, на чем именно погорели бывшие владельцы развлекательного заведения, но несколько лет назад «Западный полюс» взяли под свое крыло деятели из Дружины. Новый управляющий установил на сцене шесты для стриптиза и переоборудовал служебные помещения в комнаты для частных танцев, и сюда стала захаживать совсем иная публика. А уника переехали в бар «Стадион», где их усиленно опекал Денис Селин, который мне все уши прожужжал просьбами об увеличении объемов варки пива, в том числе и по этой причине.

Вскоре глаза привыкли к полумраку, я обогнул торчавшую посреди зала дверь и направился к бару. Усаживаться на высокий стул не стал и, привлекая внимание бармена, постучал пальцем по выпуклому аквариуму, внутри которого мелькали серебристые искорки миниатюрных рыбешек.

– Чего желаете? – повернулся тот ко мне.

– Сам у себя?

Бармен сунул руку под стойку и нажал кнопку, отпирающую неприметную дверь рядом со входом на кухню.

Я прошел в служебный коридор, заглянул в открытую комнату и стукнул костяшками пальцев по косяку.

– Разрешите, Владимир Михайлович?

Сидевший за столом темноволосый дядечка с узким разрезом глаз и высокими резкими скулами оторвался от газеты и приветливо улыбнулся:

– Вячеслав Владимирович! Заходи, дорогой!

Начальник отдела собственной безопасности Дружины Владимир Михайлович Ханин мундиров не жаловал и больше походил на преуспевающего спекулянта. Черная сорочка, пиджак с замшевыми вставками на локтях, массивный золотой перстень – наряд его был неброским, но подчеркнуто дорогим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.